ВАЛЕРИЙ ВАЙНИН

Трое-ник...

Валерий Вайнин

Троечник

«Издательские решения»

Вайнин В.

Троечник / В. Вайнин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856454-3

Роман о современном враче, который работает в обычной московской поликлинике, но понимает, что современная медицина с ее обилием лекарств отнюдь не способствует стабильному здоровью. Пациентам, которые принимают его взгляды на лечение, он помогает совсем другими методами.Рекомендуется к прочтению в качестве безопасного и эффективного лекарственного средства, так как роман реально заряжает читателя позитивной энергией. Этого так сейчас не хватает!..

ISBN 978-5-44-856454-3

© Вайнин В.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 23
Глава 4 28
Глава 5 31
Глава 6 34
Глава 7 38
Глава 8 47
Глава 9 50
Глава 10 55
Глава 11 61
Конец ознакомительного фрагмента. 64

Троечник

Валерий Вайнин

Иллюстратор Анна Куманова
Дизайнер обложки Анна Куманова

© Валерий Вайнин, 2017
© Анна Куманова, иллюстрации, 2017
© Анна Куманова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-6454-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Четверг хорош уже тем, что за ним неизбежно следует пятница, в сопровождении долгожданных выходных. Сентябрь-месяц неплох также, ибо во второй его половине лето хоть и считается «бабьим», до зимы, однако, далеко. Полседьмого утра – время замечательное, если утро это солнечное и если, разумеется, у тебя нет ощутимых неприятностей. Причём слово «ощутимых» здесь ключевое, так как рутинные неурядицы Антон Климов старался из себя вычихивать, что, в общем-то, неплохо ему удавалось.

В однокомнатной квартире Антона царили чистота и такой порядок, поддерживать который способен был лишь замшелый зануда. В комнате, довольно просторной, располагались книжные полки, письменный стол со стулом и раскладной диван. На подоконнике, в горшке, произрастал полуметровый густой можжевельник, а в крохотной прихожей помещался одёжный шкаф. Ванна и туалет были, увы, раздельные. Телевизор, практически невключаемый, примостился на кухне, где газовая плита, холодильник и посуда сверкали, как… Впрочем, о тяготении Антона Климова к чистоте сказано было выше, в остальном – кухня как кухня.

Итак, солнечный сентябрьский четверг, полседьмого утра. Антон почистил уже зубы, проделал дыхательные упражнения и стоял теперь, одетый лишь в плавки, перед комнатным можжевельником с лейкой в руке. Можжевельник, казалось, трепетал в предвкушении поливки, и Антон одарил его понимающей веснушчатой улыбкой.

– Не попрошайничай, Джеймс. Веди себя пристойно. – Молодой человек оросил кустик водой из лейки. – По-моему, Джеймс, твой интеллект заметно вырос.

Можжевельник с этим не спорил. Антон прижался щекой к влажным его колючкам, на мгновение замер, затем приступил к гимнастике, описать которую… Чёрт знает, что он вытворял.

Росту Антон Климов был среднего (метр семьдесят пять), мускулатуру имел не слишком рельефную, но его гибкое, без единой жиринки, тело напоминало стальную пружину, когда он, будто на батуте, подпрыгивал, касаясь рукой потолка, и на полу выполнял каскады кувырков назад – вперёд, когда крутил сальто в воздухе и, мягко опустившись на ладони, прошагал на руках из угла в угол, а затем, впрыгнув на подоконник, ласточкой пролетел на разложенный диван, где перевёл инерцию полёта в очередной кувырок, и потом…

Потом на письменном столе зазвонил телефон. Переведя дух, Антон снял трубку. Его кудрявые светло-русые волосы потемнели от пота.

– Антон Алексеевич, это вы? – послышался из трубки суровый женский голос.

Серые глаза Антона Климова уперлись в потолок, веснушки его сгруппировались возле носа, а губы, по-детски пухлые, дрогнули в улыбке.

– Допустим, это я. Что дальше?

– Как почивали, Антон Алексеевич?

Антон почесал ногой ногу.

– Мам, прекрати. Я просто замотался.

– О-о, ты меня узнал!

Молодой человек хохотнул:

– Мам, короче. Я на работу опоздаю.

– Если короче, – суровость в голосе матери возросла, – сегодня мы с папой ждём тебя к ужину. Есть разговор.

– О чём? – насторожился Антон. – Надеюсь, не о том, о чём я думаю?

– Придёшь – узнаешь. До вечера. – Из трубки раздались короткие гудки.

Антон задумчиво положил трубку, взглянул на часы и волевым усилием продолжил гимнастику. Стоило ему, однако, войти в ритм прыжков и кульбитов – тренькнул звонок в дверь.

Чертыхнувшись, Антон пошёл открывать. Он посмотрел в дверной «глазок», щёлкнул замком и, встав на руки, засеменил в комнату. Вслед ему зарокотал мужской бас:

– Вообще-то, я на минуту.

Кувыркнувшись, Антон встал на ноги.

– На полминуты, – уточнил он.

Короткостриженый брюнет, ростом под два метра, пожал богатырскими плечами.

– Могу и не заходить.

– Это будет не учтиво, – мотнул головой Антон. – Зайди.

– О'кей. – Богатырь снял модельные туфли. Он был в чёрных брюках, в белой сорочке и при галстуке. Пройдя в комнату, он пророкотал: – Ты заглянул бы к Светке моей…

– А здороваться кто будет? – Веснушки Антона собрались в усмешку. – Вваливается, понимаешь, как троглодит.

Богатырь изобразил поклон.

– Здрасьте всем.

– Кому это, всем? – нахмурился Антон. – Конкретней.

Визитёр испустил вздох.

– Ну, достал! – Приблизившись к можжевельнику, он дурашливо произнёс: – Привет, Джеймс! Какая встреча!

– Сева, не ёрничай: Джеймс обидится.

Здоровяк поднял вверх руки.

– Больше не буду. Так ты к Светке заглянешь?

– На фиг?

– Мастит всё-таки…

Антон фыркнул.

– Жена твоя, Всеволод, здорова как бык.

– Слушай, Антоха, всё же она грудью кормит. Мало ли… Что ты лыбишься, как засранец? Зайди, Антох, для моего спокойствия. Трудно тебе, что ли?

– Перекувырнись. Через голову два раза.

Сева потёр волевой подбородок.

– Лучше я ломик согну. Не прокатит?

Антон мотнул головой.

– Кувыркнёшься – зайду.

Сева со вздохом закинул на плечо галстук. Затем присел и худо-бедно перекувырнулся дважды, едва не упёршись в итоге лбом в стену. Антон пожал ему руку:

– Сделка завершена.

Тут раздалось деликатное гавканье, и в комнату ступила огромная немецкая овчарка. «Не захлопнул дверь, тормоз!» и «Ну, блин!» одновременно произнесли приятели. Овчарка будто наслаждалась произведённым эффектом. Сева глянул на неё в упор:

– Я ж тебе ждать велел. Дура.

Собака, вильнув хвостом, пытливо уставилась на Антона. Тот покачал головой:

– Сто за поведение, Степанида! Даже ноги не вытерла!

Овчарка виновато тявкнула.

Антон присел перед ней на корточки.

– Гулять ходила?

Тявкнув дважды, собака игриво припала на передние лапы. Антон потрепал её по холке.

– Довольна, значит? Душевно тебя понимаю.

Овчарка облизнула ему нос, и Сева ревниво буркнул:

– Лады, Альма, двигаем домой.

Отреагировав лишь взмахом хвоста, овчарка не сводила с Антона глаз. Сева шагнул к двери.

– Альма, домой!

Собака, опустив хвост, поплелась за ним.

Антон вскинул руку.

– Айм сори. Степанида, сядь.

Развернувшись, овчарка с готовностью плюхнулась на рыжеватый зад. Они с Антоном смотрели в глаза друг другу.

– Она Альма, а не Степанида, – раздражённо заметил Сева. – Кончай свои примочки.

Ни Антон, ни овчарка и бровью не повели в его сторону. Они смотрели друг на друга.

– Степанида, – сказал Антон, – давай договоримся: приходя в гости, ты будешь вытирать ноги. Вот так. – Встав на четвереньки, Антон изобразил, как именно нужно вытирать лапы. – Сечёшь, Степанида?

Овчарка залаяла.

– Слушай, Антон, – вмешался Сева, – ты же сам сказал: на полминутки.

Собака меж тем потявкивала и за суетилась. Веснушки на лице Антона сложились в умо-рительную гримаску.

– Степанида, – приказал он, – выйди, вытри ноги и зайди!

Овчарка замерла.

– Ты псих, – выдохнул Сева.

Антон размеренно повторил:

– Выйди, Степанида. Вытри ноги о коврик и зайди.

Овчарка, будто в раздумье, направилась в прихожую, и оттуда донеслось глухое шарка-нье. Заглянув в дверь, Сева пробормотал:

– Нет, я просто балдею.

С видом исполненного долга овчарка вернулась и села перед Антоном. Тот пожал ей лапу.

– Умница. Теперь вали домой.

Сева потянул собаку за ошейник.

– Пойдем, Степанида… Тьфу ты, Альма! Так ты зайдешь к Светке, Антох?

– Ну, раз ты перекувыркнулся… – Антон распахнул входную дверь. – Поломали мне зарядку, понимаешь.

Далее он действовал в ускоренном темпе: контрастный душ, овсянка и чашка зелёного чая. Затем вымыл посуду, положил в рабочую сумку пакет кефира, пару бананов и, насвисты-вая, вышел из квартиры.

У подъезда, на солнышке, хмурый Сева протирал стекло своей «тойоты». Он был в пиджаке, в котором выглядел ещё более богатырски. Обходя его, Антон хмыкнул:

– Проблемы?

– Птичка накакала, – буркнул Сева. – Не легковато ли оделся для сентября?

На Антоне были тонкие серые брючки, остроносые туфли и льняная сорочка в цвет. Рукава сорочки были закатаны, и на плече задорно болталась сумка.

– В самый раз. Жарковато даже.

– Ну смотри. Может, тебя подвезти?

Антон шагал от него задом наперёд, и ветерок играл его кудрями.

– Спасибо, мне тут ходьбы-то…

Спиной Антон наткнулся на мужика в бейсболке, посасывающего на ходу пиво. Мужик едва бутылку не выронил.

– Ты чё, оборзел?! – взъярился он. – Куда прёшь, чмо?! Зенки, что ли, на жопе?!

Антон виновато произнёс:

– Извините, зазевался. – И, обогнув «потерпевшего», двинулся восвояси.

Мужик в бейсболке, однако, извинением не удовлетворился. Хлебнув из горлышка, он потопал за Антоном.

– Слышь, ботан! Ты чё, думаешь вот так слиняешь?!

Тут на плечо ему легла широченная длань. Мужик обернулся, готовый к сваре, но узрел Севу, глаза которого скрывались за тёмными очками, а под распахнутым пиджаком бугрилась наплечная кобура.

– Пойдём, – пробасил Сева, – дело есть.

Мужик, само собой, попытался отступить.

– Чё-то я не врубаюсь, уважаемый…

Но рука, будто клещи, сжавшая плечо, влекла его к серой «тойоте». В панике «потерпевший» заверещал:

– Эй, это к чему?! Никуда я с тобой не поеду! Хрен заставишь!

Сева вручил ему влажную тряпку.

– Протрёшь стекло – и свободен.

Мужик в бейсболке перевёл дух и хлебнул пива.

– Я чё, нанялся, что ли?

Сева поправил на носу тёмные очки.

– Пять минут тебе. Время пошло.

Мужик, матюгнувшись, принялся драить окно автомобиля. Сева присел на лавочку и взглянул на часы.

– Сделаешь работу, – сказал он, – тряпку себе оставь. Пригодится в хозяйстве.

Мужик матюгнулся позаковыристей, однако ослушаться не посмел. Прохожие торопились по своим делам, и никто ни на кого не обращал внимания.

Глава 2

Трёхэтажное здание районной поликлиники, хоть и отремонтированное, выглядело убого снаружи и внутри: теснота, мрачность и бестолковая планировка помещений. Многие пациенты, впрочем, ощущали себя здесь как дома, образовывая в коридорах, что называется, клуб по интересам. В основном, разумеется, это были пенсионеры, привыкшие воспринимать доктора как нерадивую прислугу. Сказать, что подобное отношение Антона Климова бесило – значит, выразиться не точно. С одной стороны, Антон чётко понимал, что при нынешней системе здравоохранения ничего лучшего ожидать не приходится, с другой стороны, невзирая на своё понимание, молодой доктор неоднократно выходил из себя, нарушая этику врачебного поведения. Вот и сегодня, чёрт возьми, в это сентябрьское солнечное утро…

Обрюзгший господин, благоухающий дезодорантом, не желал покидать кабинет.

– Коновал, а не врач! – вскрикивал он фистулой. – Неделя коту под хвост, результат – ноль!

Это был первый сегодняшний пациент, и Антон – как водится, весь в белом – сидя за столом, делал запись в его амбулаторной карте. Стол напротив Антона занимала его медсестра Надежда Фёдоровна – суровая тётя, мечтающая досидеть до пенсии без лишних беспокойств.

– Не скандальте, мужчина! – одернула она пациента. – Сбавьте обороты!

Надежда Фёдоровна была, как говорится, крепко сбита и суха как вобла. Благообразие её лица особо подчёркивалось седеющими волосами, зачесанными на прямой пробор.

Пациент, прокашлявшись, понизил голос:

– Просто зла не хватает. Что вы там строчите? – обратился он к Антону. – Поэму или роман?

– Справку для прокуратуры, – отозвался Антон. – Коновал, а не врач. Результат ноль.

– Как остроумно! – скривил губы пациент. – Речь идёт всего лишь о вашей профессиональной добросовестности. Разве я требую многого?

Антон развернулся к нему корпусом.

– Вы требуете лишь продления больничного листа. Если завотделением подпишет, не возражаю. У вас всё?

Обрюзгший господин побагровел.

– Когда я лечился у приличных врачей, – вновь прозвенела его фистула, – мне прописали цефатрин, и всё более-менее приходило в норму! С какого, простите, бодуна вы назначили мне уредит, который…

– Урегит, – поправил Антон. – Продиктовать по буквам?

– Уредит, урегит… Муторно мне от него, ясно вам?!

– Меньше пить не пробовали?

– Да как вы… Я в рот почти не беру!

Медсестра, встав из-за стола, решительно шагнула.

– Мужчина, выйдите! – возвысилась она над скандалистом, и контрастные черты её лица выразили непреклонность. – Выйдите немедленно!

Пациент попятился, но позицию не сдал.

– Хочу знать, зачем мне этот урегит!

В дверь заглянула дама средних лет в брючном костюме.

– Что у вас тут, полостная операция? Моё, между прочим, время…

– Женщина, вас вызовут! – рявкнула медсестра и, водворив порядок, обернулась к доктору. – Выпишите ему цефатрин, Антон Алексеевич. Пусть отвяжется.

Антон потёр переносицу.

– Это неправильно, Надежда Фёдоровна. Хотя… – Он перелистнул амбулаторную карту. – Выписать вам цефатрин, Николай Викторович? Тогда успокоитесь?

Скандальный господин выпятил губу.

– В каком смысле успокоюсь? На кладбище?

– Надеюсь, не столь радикально, – пожал плечами Антон. – Нужен вам цефатрин или нет?

– Что значит мне нужен? Вы же назначили урегит. Всё равно вам, что ли?

– Угу, – кивнул Антон. – Что скажете, то и выпишу.

Обрюзгшее лицо пациента стало злобно-торжествующим.

– Вот оно! Просто великолепно! – Он двинулся из кабинета бочком. – Поговорим в другом месте, доктор! – Дверь за ним захлопнулась.

Медсестра опустилась на стул.

– Господи, зачем мне такие приключения в конце жизни? Антон Алексеевич, он пойдёт к Брагину.

Антон подвинул к ней карту скандалиста.

– Флаг ему в задницу.

– Не всё вам будет сходить с рук.

– Участкового терапевта, Надежда Фёдоровна, согнуть непросто. Притом бунт его бессмыслен и беспощаден.

Медсестра со вздохом направилась к двери.

– Ей-богу, вы как мальчишка. – Приоткрыв дверь, она пригласила: – Следующий!

В кабинет ступила дама в брючном костюме. Она хмурила брови, пряча улыбку. Её осветлённые взбитые волосы, как говорится, ниспадали на высокий лоб.

– Так-так! «Женщина, вас вызовут!» – процитировала она. – Вот спасибо, Антон Алексеевич: дождалась!

Антон развёл руками.

– Издержки сервиса, Раиса Васильевна.

Медсестра, присев за свой стол, вытянула из стопки амбулаторных карт нужную и передала доктору.

– Конечно, я вас узнала, буркнула она пациентке. – Но этот хрен моржовый так меня достал… Вонючка, прости Господи!

Дама в брючном костюме улыбнулась, продемонстрировав жёлтые от курения зубы.

– Извинения приняты. Могу я присесть?

Антон подвинул к ней стул.

– Как ваш гастрит, Раиса Васильевна?

– Ну, в принципе… – дама села, закинув ногу на ногу, – бюллетень можно закрыть.

– Я не про больничный, а про ваше самочувствие.

– Ах, Антон Алексеевич! Какое самочувствие в мои годы?

Антон вздохнул.

– То есть с диеты вы соскочили, приступы глушили альмагелем, но желудок всё равно побаливает?

Пациентка вертела на пальце массивное обручальное кольцо.

– Разве от альмагеля поправляются?

– Ценю ваш юмор, Раиса Васильевна. Но, простите, жрать надо меньше.

– И вы меня простите, Антон Алексеевич, но жрать меньше я не в силах. Примите как факт.

– Попытались бы хоть, – встряла медсестра. – Я вот и сама недавно…

– Пыталась – не выходит! – отрубила пациентка. И, смутившись от своей резкости, кокетливо повела плечом. – Хорошей женщины должно быть много. Не так ли, Антон Алексеевич?

– Хорошей женщины должно быть в меру, – возразил Антон. – Ладно, Раиса Васильевна….

Его прервал заглянувший в кабинет подросток.

– Льготные рецепты здесь выдают? – осведомился он ломающимся баритоном.

– Какие ещё рецепты?! – зыркнула на него медсестра. – Ты вообще как сюда забрёл?! Знаешь, где у нас детская поликлиника?!

Пацан насупился. Лицо его покрывали прыщики, в ухе поблескивала серьга.

– Да я ж не для себя, для крёстной. Чуть что – сразу чморить! Пенсионерка она, инвалид первой группы. Паспорт её у меня, всё по правилам.

Переглянувшись с медсестрой, Антон чиркнул пальцем себя по горлу.

– Вот где мне эта система!

Медсестра обратилась к подростку сочувственно:

– Опоздала твоя крёстная. За сентябрь льготные лекарства у нас уже выбраны.

Пациентка в брючном костюме изумилась:

– Как это? Сегодня только шестнадцатое.

– А вот так! – хлопнул по столу Антон. – Всё для населения!

Подросток обвёл взглядом присутствующих.

– Ну и чё теперь?

– Гитлер капут, – отозвалась медсестра. – Если сама не сможет, первого октября приходи. С её паспортом.

Пацан, потоптавшись, исчез. После нескольких мгновений тишины пациентка в брючном костюме, поменяв местами скрещенные ноги, возмутилась:

– Кошмар с этими лекарствами! Слава Богу, мы в Москве окопались, а что в провинции творится… – Она безнадёжно махнула рукой.

Антон придвинул к себе амбулаторную карту.

– Ладно, больничный закрываем… э-э… Лепова Галина Ивановна… – Он в недоумении воззрился на медсестру. – Это ещё кто? У нас тут Лепко Раиса Васильевна. Или у меня что-то с головой?

Пациентка хихикнула.

Медсестра поднесла карту к носу.

– Эта Юлька из регистратуры… патлы ей отчекрыжу! Айн момент! – Размахивая «неправильной» картой, Надежда Фёдоровна строевым шагом вышла за дверь, и зычный её голос донёсся из коридора: «Хоть по очереди, хоть по записи – ждите! Доктор не двужильный!»

Пациентка томно закатила припухшие глаза.

– Бардак такой же, как в нашем издательстве.

– Не смею спорить, – вздохнул Антон. – Расстегните-ка пиджак и приподнимите кофточку, Раиса Васильевна. Пощупаю ваш желудок.

– Надо ли, Антон Алексеевич? Раз уж я такая непутёвая. – Однако пиджак она расстегнула и обнажила студенистую часть своего фасада. – Ну, разве что для очистки совести.

Когда Антон стал пальпировать живот пациентки, та вскрикнула.

– Больно здесь? – обеспокоился Антон.

– Нет, – хихикнула дама, – щекотно.

– А здесь?

– Ничуть, Антон Алексеевич. Когда пальцы ваши меня касаются, я как будто в невесомости и никаких болезней вообще не существует. Надеюсь, вы не думаете, что я вас завлекаю?

Они оба рассмеялись.

– Ладно, – подытожил Антон, – дайте ваш больничный.

Дама протянула ему извлечённый из сумочки зеленоватый бланк. Пока Антон делал в нём необходимые пометки и ставил подпись, вернулась медсестра. Она молча шмякнула на стол доктору заменённую амбулаторную карту. Пациентка полюбопытствовала:

– Как там Юлька из регистратуры? Патлы её в порядке?

Надежда Фёдоровна хмура кивнула.

– Теперь – да.

У двери пациентка задержалась.

– Желаю вам, Антон Алексеевич, питаться лишь морковным соком и цветочной пыльцой.

– А вам, Раиса Васильевна, – парировал Антон, – я желаю трижды в день поглощать бисквитный торт и заедать его взбитыми сливками.

– Аминь! – хихикнула дама. – По-моему, дорогуша, помрёшь годом раньше, годом позже – один чёрт. Таково моё кредо.

Антон посмотрел на неё в упор.

– В таком случае, зачем вы обращаетесь к врачу?

Пациентка пожала плечами.

– По традиции, видимо. – И с этим вышла.

Медсестра задумчиво одобрила:

– Вполне реальный подход к жизни.

В кабинет тем временем прошмыгнул дедок в спортивном трико, провонявшем табачным перегаром. Медсестра брезгливо поморщилась.

– Вы кто? – осведомилась она.

Нагло, притом заискивающе, дедок отрапортовал:

– «Ухо, горло, нос» не принимает, так что я сюда.

– Фамилия, имя, отчество! – Надежда Фёдоровна придвинула к себе стопку амбулаторных карт.

Дедок огрызнулся:

– Я с врачом разговариваю, а не с персоналом! К «ухо, горло, носу» я записан, а не к вам. Но он вроде как приболел.

– Она, – механически поправила Надежда Фёдоровна.

Дедок уселся на кушетку. Был он сутул и морщинист.

– По мне – хоть бы «оно». С ушами у меня напряг. – Он скосил острые глазки на медсестру. – К примеру, даже ваш ангельский голосок слышу как сквозь вату.

Пряча улыбку, Антон изучал висящую на стене диаграмму зависимости сердечно-сосудистых заболеваний от возрастания информационных перегрузок. Багровая кривая на диаграмме выглядела прямо-таки апокалиптически.

Медсестра меж тем препиралась с пациентом:

– Так записались бы! – повысила она голос. – Как ваша фамилия?! Схожу за картой!

– Сколько повторять?! – сердился дедок. – Я в девятый кабинет записался, карта моя там! На кой ляд вам фамилия – уши мои вот они!

То ли не найдя возражений, то ли осердясь в свою очередь, Надежда Фёдоровна заметила:

– Переоделись бы хоть. А то нюхать вас…

– А вы не нюхайте, отодвиньтесь, – нимало не смутился дедок. – Мне врач нужен, а не прелести ваши.

Веснушки на лице Антона едва сохраняли серьёзность.

– Прошу, – указал он на стул подле себя. – Разберёмся с вашими ушами. Без фамилии.

Осмотр выявил, что в ушах пациента образовались серные пробки. Антон удалил их без осложнений, порекомендовав старикану денька два-три капать в уши камфорное масло. Обретший слух дедок сиял, не зная, как благодарить. Надежда Фёдоровна ворчливо его напутствовала:

– Мыли бы хоть уши, мужчина.

– Только перед свиданием с вами, – парировал дедок, выбегая.

Следующей в кабинет вплыла лебёдушкой Анисья Игнатьевна Земнова, осанистая старуха семидесяти восьми лет – можно сказать, любимая пациентка Антона. Кругленькая и чистенькая, была она в строгом платье с цветастым платком на плечах.

– Как живёте-можете? – произнесла она чуть нараспев. – Всё ли у вас подобру-поздорову?

– Более-менее, Анисья Игнатьевна, – отозвался Антон. – Как говорится, во грехах, да на ногах.

Старушка обнажила в улыбке крупные, чуть выпирающие, зубы.

– Ну и слава Богу. Зашла вот давление померить.

– Угу, сейчас найдём вашу карту. – Медсестра услужливо принялась перебирать стопку. Пациентку эту она безотчётно побаивалась.

Седеющее благообразие Надежды Фёдоровны меркло в сравнении с благообразной сединой старушки.

– Не суетись, подруга, – обронила последняя, – без записи я. Примите?

– О чём речь! Примем, конечно! – откликнулась медсестра с воодушевлением, явно избыточным.

Старушка, однако, выжидательно смотрела на доктора.

Из своей сумки Антон извлёк фонендоскоп с тонометром.

– Садитесь и обнажитесь, Анисья Игнатьевна, – распорядился он.

Старушка присела, демонстрируя высокие шнурованные ботинки. Затем, деловито расстегнув пуговки, приспустила на плечах платье, под которым оказалась кружевная комбинация.

– Достаточно? – осведомилась пациентка.

– Более чем. – Антон прослушал грудь её и спину фонендоскопом. – Как общее самочувствие, Анисья Игнатьевна?

– Голова болит, заду легче, – ответила старушка, хохотнув. – У нас знаешь как? Болят зубы – так разбей губы, наточи крови да помажь брови. Нормально, стало быть.

Родом Анисья Игнатьевна была из деревеньки под Тамбовом, и, хоть последние двенадцать лет благополучно проживала в Москве у сына, прибаутки сыпались из неё точно горох. Главное, всегда к месту.

Измерив старушке давление, Антон удовлетворённо объявил:

– Сто тридцать на восемьдесят. Почти как у космонавта.

Старушка горделиво застегнула пуговки на платье.

– Раньше я, знаешь как? Могу, не могу, а ем по пирогу. Теперь поди уж неделю сижу на кефире да на гречке. А папазол этот, как ты велел, в унитаз спустила. Во как.

Антон в изумлении поднял брови.

– Ушам не верю.

Довольная произведённым эффектом, старушка потупила взор.

– Здорова́ буду – денег добуду. Зарядку начала делать, даже правнука привлекла. А ты думал, слова твои побоку?

Антон лишь руками развёл, а медсестра пробормотала:

– Прямо-таки завидно.

Старушка глянула на неё косо.

– Могла б и ты, да с ленцой, видать. – И посмотрела на доктора. – Разговор у меня к тебе, Антон Алексеевич. Короткий да важный.

Антон взлохматил пятернёй свои кудри.

– Весь внимание.

– С глазу на глаз хотелось бы.

– Не знаю, Анисья Игнатьевна, где бы нам с вами…

Прервала их старшая медсестра терапевтического отделения – пампушечка бальзаковского возраста в накрахмаленном белоснежном халате.

– Доктор Климов, с вещами на выход! – объявила она, стрельнув глазками. – Брагин ждёт, Брагин в нетерпении!

– Татьяна Олеговна, что за срочность? – раздражённо поинтересовался Антон.

Пампушечка в накрахмаленном халате возвела очи к потолку.

– Как говорится, раньше сядешь – раньше выйдешь. Поторопитесь, доктор Климов.

Медсестра Антона всполошилась:

– В чём хоть дело? Этот фрукт, что ли настучал? Которому цефатрин не назначили?

Старшая медсестра выдержала паузу.

– Надежда Фёдоровна, угадывать мысли начальства я не уполномочена. Антон Алексеевич, вы меня слышали. – Шурша халатом, она вышла.

Надежда Фёдоровна погрозила Антону кулаком.

– Ведь я предупреждала!

Антон встал и шагнул к двери.

– Дождётесь меня, Анисья Игнатьевна?

– Да нет, милому гостю домой пора. – Старушка поднялась также. – Перемолвимся словечком по дороге.

Кабинет заведующего терапевтическим отделением располагался этажом выше. Анисья Игнатьевна, проводив Антона до лестничной площадки, посочувствовала:

– Попадёт тебе? – И тотчас посоветовала: – Не кичись, лучше в ножки поклонись.

– Так и сделаю. О чём вы хотели перемолвиться?

Старушка посмотрела строго.

– Ты не женат, верно?

– Вроде бы, – улыбнулся Антон.

– И женат не был?

– Ну и?

Взор старушки выразил осуждение.

– Знаешь, Антон Алексеевич… две головни и в поле горят, а одна и в печи гаснет. Понял к чему веду?

– Понял, Анисья Игнатьевна. Дальше.

Глаза старушки горели.

– Не женат – не человек, холостой – полчеловека. Что думаешь об этом?

– Думаю, народной мудрости на сегодня с меня достаточно. Пойду, начальство ждёт.

Старушка придержала его за рукав.

– У внучки моей подруга есть – Валька. Твоего примерно возраста. Девка – загляденье. Замужем, правда, побывала – темнить не стану…

– Анисья Игнатьевна, вы чудо. – Антон деликатно высвободил свой рукав. – Продолжайте заниматься гимнастикой. – Он взбежал вверх по лестнице.

Дверь кабинета заведующего терапевтическим отделением, обитая коленкором, указующей таблички не имела. Безымянность эта предназначена была для дезориентации докучливых пациентов, однако, тот, кому приспичило, таинственную дверь, разумеется, находил. Сам кабинет размером был побольше, чем кабинеты участковых врачей, но выглядел столь же безлико: телефон на столе, стулья для посетителей, да застеклённый шкаф, хранящий медицинские фолианты и папки с бумагами неизвестного содержания. Лишь на стене, рядом со списком льготных лекарств, ярким пятном выделялся плакат, демонстрирующий мужское тело в разрезе. На плакат этот, барабаня по столу пальцами, и взирал хозяин кабинета в момент появления Антона, который молча, без приглашения, сел на стул.

Несколько мгновений пальцы завотделением по инерции выстукивали замысловатую дробь. Мужик он был худощавый, желчный и лысеющий спереди, отчего лоб его смотрелся, как чело мыслителя, а проницательные глаза, испещрённые красными прожилками, казалось, искали созерцательного покоя и сейчас вот нашли его на анатомическом плакате, временно. Белый халат Брагина великоват был в плечах, а галстук под кадыком, как обычно, сбился набок.

Молчание в кабинете меж тем затягивалось. Слышно было тиканье настенных часов, и за окном звучала перебранка водителей «скорой помощи».

– Ну? – отверзлись наконец уста завотделением. – Что скажешь?

Антон взлохматил свои кудри.

– Лимит льготных лекарств уже израсходован. Бардак.

Брагин оторвал хмурый взгляд от плаката.

– И что с того?

– Хотелось бы знать, когда это прекратится.

– Никогда. Пока существует наш Минздрав. Ты дурака мне тут не включай: зачем, по-твоему, я тебя вызвал?

Антон пожал плечами.

– Сами вызвали – сами и скажите.

– Не вредничай! – Завотделением резко развернулся, вскрикнул и принялся массировать плечо. – Паскудный ревматизм… Не вредничай, тебе не к лицу. Ты знаешь, о чём пойдёт речь, не так ли?

Антон нахмурил брови.

– Больно, Семён Петрович? Так вам и надо. Ведёте себя, простите, как болван. Использовали бы хоть так называемые «достижения современной медицины». А то прогнулись под болячками…

– Слушай, не начинай! – Хлопнув по столу, Брагин вновь со стоном схватился за плечо. – Вот же мать твою… Рыжова Николая Викторовича знаешь?

– А то! – буркнул Антон. – Надежда Фёдорна прямо накаркала.

Завотделением буркнул в ответ:

– На хрен ты вместо цефатрина ему урегит назначил? Он же внятно потребовал…

– Семён Петрович, вы в порядке!? – Антон постучал себя по лбу, затем – по столу. – При чём здесь вообще цефатрин?! Проблемы у него не с моче-половой системой, а с желчным пузырём! Сперва нужно было снять отёк и давление понизить, а хмырю этому лишь бы на больничном сидеть…

– Больничный я ему продлил! – рявкнул Брагин. – И цефатрин выписал: пусть жрёт до посинения! Вот так, Климов, я разрулил конфликт!

Антон глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

– Ладно. Могу идти?

– Осуждаешь?

– Да нет, я и сам бы поступил так же. Ибо лечить больного против его воли…

– …не в твоих правилах, – продолжил завотделением. – Особенно – если в мозгах больного жидкое дерьмо. Так какого же хера ты лезешь в бутылку? Неужели так трудно играть роль заботливого врача-дебила?

– Стараюсь, Семён Петрович. Скоро научусь. – Антон встал, намереваясь выйти.

– Погоди-ка, – проговорил Брагин, сделав над собой усилие. – Не мог бы ты снять мой приступ? Плечо – будто крыса внутри грызёт.

Антон мотнул головой.

– Чёрта с два. Мучайтесь.

– Почему, блин?

– Потому что, Семён Петрович, в мозгах у вас то же самое дерьмо. Если сниму вам боль, это будет лишь паллиатив, после которого…

– Слушай, можешь ты помочь без нотации?! – Глаза начальника упирались в пол, как у нашкодившего мальчишки. – Потом, само собой, я займусь спортом-шмортом, сяду на диету-минету…

– …и выпивать-шмипивать станете меньше. Звучит прямо-таки убаюкивающе.

Побледнев, Брагин приподнялся в рабочем кресле.

– Антон, ты переходишь границы

– Ух ты! Что-то пограничников не видно.

– Всё, Климов! Свободен!

Антон со вздохом прикрыл глаза и плотно свёл ладони с напряжённо растопыренными пальцами.

– Сядьте, Семён Петрович. Расслабьтесь.

Завотделением послушно раскинулся в кресле.

– Пиджак снимать?

– Обойдёмся. – Антон развёл ладони, подвигал ими вверх-вниз, затем вновь свёл и развёл, будто играя на гармони. – Плечом ко мне, шеф.

Развернувшись в кресле, Брагин пробормотал:

– Ты уверен, что пиджак не помешает? Раньше, помнится…

– С тех пор я продвинулся. Помолчите.

– Думаешь оттуда получится? В прошлый раз ты манипулировал почти вплотную…

– Семён Петрович, не могли бы вы заткнуться? Вы меня отвлекаете.

Стоя метрах в трёх от завотделением, Антон как бы массировал его плечо на расстоянии. Ладони Антона пружинисто сжимали и поглаживали воздух. Пантомиму эту пациент-начальник не наблюдал: веки его были опущены, тело словно растеклось по креслу, и над лысеющим лбом выступили капельки пота. Через несколько минут, когда руки Антона прекратили вдруг двигаться и застыли, будто выплеснув нечто незримое, Брагин вздрогнул:

– Жжёт, вроде.

– Тихо, ещё немного, – прошептал Антон, и ладони его вновь задвигались, продолжая странный массаж.

Желчное лицо завотделением размягчилось.

– Щас я отрублюсь, – объявил он чуть слышно.

Антон встряхнул кистями рук, точно избавляясь от водяных капель.

– Сеанс окончен. Свет в зале.

Завотделением сохранял неподвижность, проверяя свои ощущения.

– Как-то быстро нынче. Не схалтурил?

Антон хмыкнул.

– Вам судить.

Брагин опасливо шевельнул плечом. Затем сделал вращательное движение. Затем по-боксёрски выбросил вперёд кулак.

– Как маслом смазали, – восхитился он. – Спасибо, Антон Алексеевич.

– Не обольщайтесь. При вашем разгильдяйстве хватит ненадолго.

Отмахнувшись, Брагин выдвинул ящик стола и достал плоскую бутылочку дешёвого коньяка.

– Может, по двадцать капель? – И, поскольку Антон даже отказаться не удосужился, плеснул себе из бутылочки в пластиковый стаканчик. – Не хочешь – дело хозяйское. И не сверли меня прокурорским взором. Исключительно для расширения сосудов. – Выпив, он спрятал стаканчик с бутылочкой в стол.

Антон скривил губы.

– Врезать бы вам.

Завотделением царственно вскинул руку.

– Старо как мир. Но, чёрт тебя дери, ты и вправду продвинулся. Чувство было такое… даже не знаю… будто по телу слабый ток прошёл. Плечо горело, и клонило в сон. Ты что, гипнозом овладел? Или я сам себе внушил… э-э… типа эффекта плацебо…

Антон рассмеялся.

– Само собой, без плацебо никак. Бумажной салфетки у вас не найдется?

– Хоть пачка, тебе зачем?

– Фокус покажу.

Воспалённые глаза Брагина взирали с любопытством. Он вновь достал из ящика коньяк, наполнил стаканчик и мигом осушил. После чего спрятал выпивку и выложил на стол бумажную салфетку:

– Валяй.

– Жажду утолили вполне? – съязвил Антон.

– Без комментариев. Тебе, как видишь, не предлагаю.

Едва удержавшись от грубости, Антон оторвал от салфетки несколько мелких полосок и рядышком уложил их на столе. Брагин наблюдал происходящее без вопросов и замечаний. Антон глубоко вдохнул, медленно выдохнул и сконцентрировался. Затем плавно стал водить ладонями над столом, примерно в метре. Бумажные полоски шевельнулись и, будто змейки, встав на дыбы, заскользили по столу вслед за парящими ладонями Антона. Достигнув края стола, бумажки спорхнули на пол. Завотделением ошеломлённо застыл.

Антон встряхнул кистями рук.

– Фокус, прямо скажем, простенький, – подытожил он с оттенком мальчишеского хвастовства. – За сим позвольте откланяться. Бухло, надеюсь, у вас ещё осталось.

Брагин вышел из оцепенения.

– Кому-нибудь ещё это демонстрировал? В поликлинике нашей и за её пределами.

Антон качнул головой.

– Только вчера впервые получилось.

– И это, по твоей теории, смог бы каждый? К примеру, я?

– При хорошем поведении. Упражняйтесь ежедневно лет пятнадцать…

– Антон, – перебил завотделением, – не трезвонь об этом никому: сожрут с потрохами.

– Разумеется, Семён Петрович. Уеду в тайгу, землянку вырою…

– Просто не лезь на рожон и выписывай рецепты, популярные в народе. Когда выпрут меня на пенсию.

– Ну да, знакомый мотив. – Антон направился к двери.

Вдогонку Брагин буркнул:

– Вопрос с пенсией, в общем-то, решён. Шутки в сторону.

Антон притормозил.

– Семён Петрович, вы так меня не пугайте.

– Общался уже со своей преемницей. – Брагин снова нашарил коньяк в ящике. – Амбициозная дамочка. Горы готова свернуть.

– Когда? – обескуражено уточнил Антон.

Завотделением отхлебнул коньяк прямо из горлышка.

– Со дня на день. Внуков нянчить отправлюсь. Благода-ать!

– Ни фига себе, сюрприз. – С этим Антон вышел.

Спускаясь по лестнице, он переваривал тревожную информацию. Расстаться с Брагиным было чертовски жаль, однако, положа руку на сердце, следовало признать… На площадке между этажей проворные ладошки обхватили Антона сзади, и женский голос прошептал:

– Стой, ты арестован.

Вздрогнув от неожиданности, Антон отцепил обхватившую его руку и вытянул из-за своей спины милашку лет тридцати в подогнанном по фигуре белом халате.

– Зойка, ты даёшь! – нахмурил он брови.

– Не всем! – парировала милашка, впиваясь губами в его губы, для чего, невзирая на высокие шпильки, ей пришлось привстать на цыпочки.

Антон мягко оторвал её от себя.

– Щас позову на помощь.

– Зачем? Я и сама справлюсь. – Молодая женщина дышала прерывисто. Была она стройненькая, ладненькая, с чуть раскосыми серыми глазами и волосами, вздыбленными в художественном беспорядке. Она вновь впилась в губы Антона.

На сей раз поцелуй длился дольше, и отстранился доктор Климов не без усилий.

– Зойка, прекрати… не сходи с ума…

Голос женщины прозвучал хрипло:

– Идём в подсобку. Или я одёжку на тебе порву.

На лестнице, к счастью, не было ни души. Снизу, однако, доносилось чьё-то хихиканье. Антон отступил на шаг.

– Какая к свиньям подсобка? У меня приём, Зой.

– В данный момент к тебе на приём – никого! – отрапортовала Зоя. – Твоя Надежда Фёдоровна сейчас инструктирует по мобильнику свою великовозрастную дочь, как нужно купать лабрадора. В запасе у нас, по крайней мере, минут двадцать.

Антон взъерошил свои кудри.

– Для того ты и явилась пораньше?

– Для чего же ещё? Могу, если хочешь, соврать, что собиралась пролистать записи по диспансеризации… – Она потянула его за руку. – Ну же, Антон Алексеевич!

Антон кивнул, сдаваясь.

– Ладно, если пациентов нет… всего двадцать минут…

– От тебя зависит, – фыркнула Зоя, и они пошли вниз по лестнице. – Почему такой пасмурный?

– Брагина выпирают на пенсию.

– Его уже больше года выпирают.

– Теперь, похоже, всерьёз.

Спустившись этажом ниже, они с постными лицами двинулись по коридору. Но не в кабинет, где в разные смены работали оба, а в направлении противоположном – за угол, в затемнённый тупичок, где располагалась подсобка, от которой у Зои имелся ключ. Никто из коллег на пути им не встретился, а два-три незнакомых пациента были не в счёт. За несколько шагов до «цели» Антон с независимым видом встал на шухере. Зоя меж тем подошла к подсобке и только лишь собралась её отпереть, как дверь распахнулась сама, явив взору уборщицу с ведром и шваброй в руках. Немая сцена длилась долгие мгновения.

– О-о, тётя Паша! – возликовала Зоя. – Не узнала вас, богатой будете!

Уборщица устало проворчала:

– Куда уж богаче. Ты чего хотела-то?

– Думала осциллограф к вам поставить. Сломанный. Местечко хоть есть?

Уборщица покосилась на подпирающего стену доктора Климова.

– Глянь сама, – разрешила она Зое.

Деловито шагнув в комнатёнку, Зоя вздохнула:

– Где уж тут… В кабинете оставить придётся.

И они с Антоном достойно отступили. Завернув за угол, оба рассмеялись, и Зоя распорядилась:

– Завтра – на той же позиции. Не то, ей-богу, растерзаю. – И каблучки её зацокали по направлению к женскому туалету.

Антон проследовал в свой кабинет.

Время близилось к двенадцати, и поток больных, вроде иссяк. Медсестра Надежда Фёдоровна всухомятку уплетала бисквит, крошки от которого испещрили стол.

– Хоть бы газетку подстелили, – поморщился Антон.

– Потом уберу, – отмахнулась медсестра. – Влетело вам хорошенько?

Антон кивнул.

– До сих пор коленки дрожат. Без меня тихо тут было?

– Как в морге. – Надежда Фёдоровна уронила кусочек бисквита, поймала его на лету и сунула в рот. – Только Зойка, медсестра Вячеслава Ивановича, вами интересовалась. Что ей было надо, не сообщила.

– Мы виделись. Вопрос у неё чисто технический. – Антон достал из сумки пакет кефира и два банана. – Вызовы мои взяли?

Надежда Фёдоровна покачала седеющей головой. Резкие черты её лица выразили осуждение.

– Разве это обед, Антон Алексеевич? Смотреть больно.

Антон очистил банан.

– Угу, зато полкило сдобного теста – самое оно. Как насчёт моих вызовов, Надежда Фёдоровна? Извините за назойливость.

Медсестра обиженно придвинула к нему листок бумаги.

– Вот. Пять вызовов у вас.

– Спасибо. – Антон распечатал пакет с кефиром. – Ваше здоровье, боевая подруга! – произнес он, отхлёбывая из пакета.

Медсестра продолжала дуться, и минуту-другую они молча ели, каждый – за своим столом. В кабинет вошла Зоя и, тряхнув живописно всклокоченными волосами, проворковала:

– О-о, Антон Алексеевич! Симпатичная у вас рубашечка!

Антон едва не поперхнулся.

– Зоя Михайловна, – отозвался он с досадой, – мы сегодня уже виделись. Не забыли?

Соображала Зойка быстро.

– Виделись – и что с того? Я готова говорить вам комплименты с утра до вечера.

– Оно и заметно, – съехидничала Надежда Фёдоровна, стряхивая со стола крошки.

Зоя сверкнула глазами, намереваясь её отбрить, но не успела. Вошёл её шеф – доктор Куницын, сменщик Антона по кабинету. Это был сорокалетний мужчина, что называется, в меру упитанный, с волосами, гладко зачёсанными, и дряблой кожей лица.

– Привет, Антоша! – произнёс он жидким тенорком, несколько неожиданным для его комплекции. В тенорке, однако, звучала колкость.

– И тебе, Славик, привет. – Антон неторопливо доел банан.

Куницын хмыкнул.

– Как всегда, завтрак чемпиона. И современная медицина отдыхает.

Антон кивнул.

– Подожди немного, отдохнёшь и ты.

Зоя хихикнула. Шеф сердито на неё покосился:

– Сходим-ка, солнышко, в регистратуру. Говорят, ты мастерски там напутала.

– Кто говорит, Вячеслав Иванович? – вздёрнула подбородок Зоя. – И что я напутала, конкретно?

Доктор Куницын за локоток повёл её к выходу.

– Сейчас выясним. – У двери он обернулся. – Я, конечно, отдохну, если вы мусор за собой уберёте, маги и кудесники.

Надежда Фёдоровна раздражённо посмотрела на закрывшуюся дверь.

– До чего вредный мужик! Всё не по нём!

– Вот и отлично. – Антон опустил банановую кожуру и кефирный пакет в корзину для бумаг. – Будем класть хлопушки ему под зад.

Медсестра издала смешок.

– Да ну вас!.. Пойду я, ладно? У меня там уколы на участке.

– Разумеется, Надежда Фёдоровна. – Антон глянул на часы. – Минут через пять – и я следом за вами.

Медсестра повесила свой халат на прибитый к стене крючок. И тут явился последний пациент, да ещё какой.

Господин был неопределённого возраста – где-то между тридцатью и сорока. Обтягивающий джинсовый костюм подчёркивал его худобу. Обесцвеченные волосы пациента ощетинились, будто иглы дикобраза. С подведённых ресниц едва не стекала тушь, и на левой руке болтались два массивных браслета. Сей представитель гражданского общества, деликатно прикрыв за собой дверь, походкой манекенщицы приблизился к доктору.

– Добрый день, – проговорил он жеманно. – Карту мою сейчас принесут. Присесть можно?

Антон указал на стул.

– Сделайте одолжение.

Пациент по-женски стрельнул глазками.

– Благодарю. – Он уселся, закинув ногу на ногу и возложив руку с браслетами на спинку стула. – Атмосферное давление, видать, поднялось, и мой затылок будто клещи стиснули.

Медсестра бочком продвигалась к выходу.

– Значит, до завтра, Антон Алексеевич? – Она проворно шмыгнула за дверь.

Пациент приподнял бровь.

– Антон Алексеевич? Странно. Мне, вроде бы, другое имя назвали… А, ладно! Какая разница? – Пациент, отмахнувшись, звякнул браслетами. – Я Иннокентий Мурзин. Чувствую себя преотвратно.

Антон сдержал неуместную улыбку.

– Насколько преотвратно?

Сердцебиение умопомрачительное. Пот – бурным потоком. И пальцы… вот, посмотрите, как дрожат. Вилкой в рот не попадаю. Правда и аппетита никакого.

Всё же Антон улыбнулся.

– Кто вы по профессии, Иннокентий? Не эстрадный певец, случаем?

Впалые щёки пациента медленно заливала краска.

– Что за намёки, мать вашу?! Решили, раз я гей, значит жопой верчу на забаву дебилам?!

– Вовсе нет, – покачал головой Антон. – Я имел в виду ваш артистизм.

– Плевать мне на то, что вы имели в виду! Ювелир я, а не долбанный певец! При чём здесь вообще моя профессия?! – На этой реплике в кабинет вернулся доктор Куницын и задержался у двери, оценивая обстановку. Сидящий к нему спиной пациент продолжал плаксиво бушевать: – Что за гестаповские манеры?! Вы даже пульс у меня не проверили…

– Иннокентий, – прервал его Антон, – вы ничем не больны.

Тут Куницын решительно вмешался:

– Прошу прощение за накладку. – Он встал между своим коллегой и расстроенным ювелиром. – Антон Алексеевич, этот пациент с моего участка. Я сейчас же им займусь.

Пациент и Антон синхронно вздохнули с облегчением.

– Удачи вам обоим. – Антон снял халат, закинул на плечо сумку и вышел.

Ювелир зыркнул на закрывшуюся дверь.

– Ничем не болен, главное! Даже пульс у меня не проверил!

Куницын пригладил свои прилизанные волосы.

– Зачем ему ваш пульс? – усмехнулся он криво. – Доктор Климов – маг у нас и кудесник. – И, обрывая посторонние разговоры, уточнил: – Вы Мурзин Иннокентий Ильич, так? Где ваша карта?

Иннокентий поправил браслеты на запястье.

– А вот это, пардон, вопрос не мой. В регистратуре сказали, что мою карту передадут Вячеславу Ивановичу. Вы и есть Вячеслав Иванович, или опять накладка?

– Ох, эта Зойка, – процедил сквозь зубы Куницын. – На что жалуетесь больной?

Пациент слово в слово повторил свои жалобы и с придыханием осведомился:

– Вы поможете мне, доктор?

С каменным лицом Куницын пообещал:

– Постараюсь. – И достал из кармана фонендоскоп. – Разоблачитесь до пояса.

– А это обязательно?

Доктор нахмурил брови, и пациент грациозно, как стриптизёр, стянул с себя джинсовую куртку.

Глава 3

Покачивая сумкой на плече, Антон сбежал с крыльца поликлиники. Полуденное сентябрьское солнце ласково припекало, ветерок шевелил слегка пожелтевшую листву, и шагать по тротуару, как по беговой дорожке, удовольствием было неописуемым.

Участок, закреплённый за доктором Климовым, был пёстрым по социальному составу и, соответственно, по уровню доходов жителей. Попадались дома «улучшенной планировки» для публики, которая, как правило, в районную поликлинику и носа не казала. Сохранились пятиэтажки, заселённые контингентом, мягко сказать, непритязательным. В основном, однако, участок Антона состоял из домов, где, как в Ноевом ковчеге, «каждой твари было по паре»: от бизнесмена средней руки до субъектов без определённых занятий. Некоторых пациентов доктор Климов знал в лицо, причём не один год, с некоторыми – встречался впервые, что помимо разнообразия впечатлений сулило не меньшее разнообразие нечаянных проблем. Что поделаешь, специфика профессии.

Итак, вызовов на дом у Антона нынче было пять. Первым делом, конечно же, он прочёл адреса, записанные на листке медсестрой. Затем, зная как свои пять пальцев улицы, переулки и проходные дворы, составил мысленно оптимальный маршрут посещения пациентов. Начал он с ученика 10-го класса местной школы, жалующегося на боль в горле. При высокой температуре, разумеется, ибо при нормальной – парню пришлось бы тащиться в поликлинику. А кому это охота, если врача можно вызвать домой? Притом бесплатно. Сия замечательная практика, пережив «совок», укоренилась в поликлиниках как традиция.

Пообщавшись по домофону с женским голосом, Антон допущен был в подъезд. Дверь квартиры отворила дама в японском кимоно.

– Вы врач? – уточнила она недоверчиво.

– Думаю, да, – кивнул Антон.

Дама загораживала собой дверной проём.

– Почему не в халате?

Антон, приоткрыв сумку, предъявил манжет белого рукава.

– Если настаиваете, могу надеть.

Женщина, чуть поразмыслив, позволила ему войти. Далее пошло без спотычек. Антон помыл в ванной руки и проследовал за мамашей в комнату десятиклассника Саши. Долговязый юнец в байковой пижаме сидел в кровати, прислонясь к подушке. Горло его было замотано шарфом, глаза воспалились от температуры, нос притом уткнут был в книгу с кошмарными тварями на обложке. Невнятно отозвавшись на приветствие Антона, паренёк книгу отложил и храбро приготовился к осмотру. Родительница его протянула Антону серебряную ложку.

– Лакунарная ангина, – уведомила она. – Можете убедиться: типичное «кольцо Пирогова».

– Вы врач? – спросил Антон.

Женщина поправила на кимоно пояс.

– Да, педиатр.

– Почему не в халате?

Десятиклассник хихикнул, но мать его шутку не оценила.

– Я дома, а вы на работе, – заметила она строго.

– Ну да, как я не сообразил? – Ложечкой прижав язык пациента, Антон осмотрел его горло и произнёс: – Лакунарная ангина. Диагноз подтверждаю.

Женщина потрепала сына по волосам, словно в благодарность за то, что не подвёл.

– Ещё бы я ошиблась.

– Тогда зачем вызывали?

– За справкой в школу. Зачем ещё?

– Справку могли бы сами.

Щёки мамаши вспыхнули.

– Подделками не занимаюсь!

Антон примирительно поднял руки и на соответствующем бланке выписал Александру Мохову, ученику класса такого-то школы такой-то, справку о болезни с четверга по среду включительно. – Если надо, продлим, – заверил он мамашу и обратился к её сыну: – Хочешь научу, как избавиться от ангины без лекарств? Быстро и эффективно.

Паренёк обратил на него отсутствующий взор.

– В смысле?

– Поза «льва», по системе йогов. Выполнишь раза четыре в день – как рукой снимет. Показать?

Само собой, вмешалась мамаша – педиатр:

– Спасибо, обойдёмся. Стопангин неплохо помогает.

– Ах да, стопангин! Куда без него? – Антон направился в прихожую. – Стопангин особенно хорош в коктейле с гексоралом. Главное – пропорция.

Мадам оказалась непрошибаемой.

– А что, уже имеются методики? – заинтересовалась она, выпуская Антона из квартиры.

– Имеются, – кивнул Антон, входя в лифт. – У ведущих фармацевтических компаний.

Солнце грело уже с ленцой. Следующий вызов был по адресу, который Антон помнил наизусть. Тридцатидвухлетняя домохозяйка требовала врача, в среднем, дважды в месяц. После очередной ссоры с мужем она валилась навзничь и диагностировала себе предынфарктное состояние. Незадачливый супруг, что любопытно, всякий раз на это покупался и, полный раскаяния, трезвонил в поликлинику. Нынче, как выяснилось, сюжет был тот же. Всклокоченный очкарик провёл Антона в комнату, где на кровати, поверх одеяла, живописно томилась смазливая неврастеничка в неглиже. После обмена ритуальными репликами («Как самочувствие, Марина Львовна?» – «Круги перед глазами, доктор. Дышать больно») Антон извлёк из сумки тонометр с фонендоскопом и началась церемония прослушивания, измерения жизненных показателей и говорения успокоительных речей. Супруги меж тем также не упускали возможности приласкать друг друга: «Боже, как ты омерзителен!» – «Что такого я сказал?» – «Лучше бы ты онемел!» Затем настал момент глотания валокордина из руки врача, после чего на глазах пациентки блеснули слёзы умиротворения. Она, можно сказать, возвращалась к жизни. («Петюня, укрой меня пледом.» – «Хочешь сока, Мариш.» – «Полстаканчика, любимый.»)

Убирая тонометр в сумку, Антон не сдержался:

– Как вы мне оба надоели – сил нет.

– Взаимно, – зевнула укрытая пледом пациентка.

Супруг её, провожая доктора к двери, смущённо поправил на носу очки.

– Сами себе мы надоели больше. Если вас это утешит.

Третий вызов поступил из соседнего дома. Дверь подъезда распахнута была настежь. Антон вошёл, позвонил в дверь указанной квартиры, но никто ему не открыл. Несколько минут Антон давил на кнопку звонка – безрезультатно. Тогда он по мобильнику связался со своей поликлиникой.

– Регистратура, – отозвался раздражённый женский голос.

– Привет, Юль. Это Климов.

Голос подобрел:

– Привет, Антон Алексеевич. Какие-то проблемы?

– Давайте-ка уточним… – Антон назвал записанный на листке адрес. – Правильно? Валуева Нина Николаевна. Кашель, насморк, температура. Так?

– Да. А что, дверь не открыли?

– Классический случай. Прошу зафиксировать.

Регистраторша чертыхнулась.

– Не парьтесь, Антон Алексеевич. Пусть в жопу идут. – И отсоединилась.

На четвёртый вызов, в пятиэтажку, Антон прошёл двором, купив мимоходом у лоточника два яблока, помыть которые намеревался в квартире пациента. Адрес этого больного также был Антону известен, но отрицательных эмоций не вызывал. Напротив. В пятиэтажке, в квартирке однокомнатной, обитали старик со старушкой, словно сошедшие со страниц повестей Гоголя. По внешности и поведению – прямо-таки Афанасий Иванович с Пульхерией Ивановной. Рядом с ними Антон буквально душой отдыхал. Дедушку на сей раз согнул приступ радикулита – в результате, очевидно, садово-огородных работ. Подобное уже случалось, и сегодня, как и прежде, бабуля трогательно суетилась подле скрюченного на тахте мужа и пришедшего доктора.

– Может, чайку сперва? – бормотала она. – С медком гречишным, а? И пирожки с капустой тёплые ещё, поешьте.

Антон качнул головой.

– В другой раз. Займёмся лучше нашим тружеником полей, надаём ему костылей.

Старик хохотнул.

– Мять и мучать меня будешь?

– Ох, буду, – подтвердил Антон. – Жестоко и беспощадно.

Старушка тотчас поддакнула:

– Лихоманка его побери. Говорила ведь: не вороши компост, ну его к лешему.

И Антон ввернул:

– Могу и уколы назначить, Николай Егорыч. Пришлю медсестру с большущей иглой, засадим вам в попу недельный курс, и запорхаете мотыльком. Хотите?

Старик чуть подумал.

– Нет уж, давай мни.

С помощью старухи Антон положил деда животом на пол. Тот вскрикивал от боли, а бабулька причитала, что дурень старый здоровье не бережёт. Когда пациент распластан был как надо, Антон решил было лечить его бесконтактно и, чтобы «размять биополе», стал сводить и разводить напряжённые ладони. Старушка, внимательно следившая за его действиями, украдкой перекрестилась. При взгляде на неё Антон оперативно изменил план: задрав на пациенте майку, принялся массировать ему поясницу. Это старики понимали, к этому привыкли – и не следовало, что называется дразнить гусей. Старик сперва болезненно постанывал, потом кряхтел, а вслед за тем притих и даже всхрапнул. Тут Антон распрямился и расслабил кисти рук.

– Спать нежелательно, – объявил он. – Пора ворошить компост.

– Что ли, уже? Маловато, вроде. – Разомлевший старик осторожно стал подниматься с пола.

Бабулька метнулась ему на подмогу, но Антон её удержал:

– Евдокия Антиповна, он взрослый мальчик.

Поднявшись, старик недоверчиво качнулся вправо-влево, взад-вперёд и притопнул тапком:

– Елки-моталки!

Старуха попыталась поцеловать Антону руку, но тот ловко уклонился. Бабуля всхлипнула:

– Руки у тебя ангельские.

И старик бодро кивнул:

– Не то что уколы. Хлопнем, что ли, по стопарику?

Ускользнув от водки и от пирогов, Антон, однако, ухитрился помыть на кухне два купленных яблока, затем не спеша съел их в сквере, на лавочке. Солнце выглядывало из-за высотки сбоку, словно кокетничая. Высотка эта к участку Антона не относилась. Пятый, последний вызов поступил из обшарпанного короба в девять этажей. Встав с лавочки, Антон опустил яблочные кочерыжки в урну. Воробьи чирикали, как заведённые.

Дверь Антону открыл коренастый тип, одетый лишь в допотопные сатиновые трусы.

– Наконец-то, – буркнул он, безошибочно угадав в Антоне врача. Отсутствие белого халата ничуть его не смутило, и он едва ли не втащил Антона через порог. – Сил никаких, паря. Скоро я здесь напрочь всё уделаю.

Оказалось, у пациента неудержимый понос, в подтверждение чего бедолага тут же шмыгнул в сортир, откуда под характерное звуковое сопровождение поведал Антону печальную свою повесть. Трескали, мол, вчера с женой ветчину, пивком запивая. Ветчина эта, будь она проклята, попахивала, вроде, но под «Очаковское» как бы проскочила. А под утро, мать твою перемать, началось такое… Страдалец, спустив в унитазе воду, свекольный от смущения, наконец явил себя доктору.

– Главное, – пожаловался он, – жена упорхнула на работу хоть бы хны. А я, как дирижабль на ракетном топливе, мать твою растак.

За годы хождения по участку Антон приобрёл закалку, поэтому от смеха удержался. С каменным лицом он предложил:

– Оформлю больничный до понедельника. Достаточно?

Пациент ощетинил рыжеватые усы.

– При чём здесь больничный? Автомеханик я, на «Форде» работаю, и клиент сейчас косяком прёт. Буду загорать на больничном – дружбаны мою денежку поделят, без проблем.

Антон пожал плечами.

– Поосторожней бы с ветчиной.

Усача аж перекосило.

– Тошнит от воспоминаний. А делать-то что? Может, этот… бисептил выпишешь?

– Бисептол, – поправил Антон. – Антибиотик, между прочим. Оно вам надо? Берёте дольку чеснока, натираете на полстакана воды, принимаете перед едой, за час примерно. Как рукой снимет.

– Кроме шуток? Рекомендуешь? Извини, что сразу на «ты»: парень ты, вроде свой… – Пациент осёкся и опять рванул в туалет. – Дам тебе визитку! – прокричал он оттуда.

– У меня нет машины. Я пойду.

– Ладно, захлопни дверь. Как сказать «понос» по-научному?

– Диарея. Тебе зачем?

– Скажу, у меня понос, мужики задолбают.

На улице Антон взглянул на часы, в раздумье потоптался и решил ещё раз наведаться к пациентке, дверь которой оказалась для него заперта. Благо, путь был недалёкий. Подъезд дома был всё так же распахнут, но в квартире, задраенной наглухо, на звонок опять никто не отозвался. Антон обратился к двум курящим на крыльце девицам:

– Простите, вы не из этого дома?

Девицы, лет двадцати – брюнетка и рыжая, окинули его оценивающими взорами.

– Допустим, из этого. – Брюнетка пыхнула дымом через ноздри. – Какие будут предложения?

Рыжая хихикнула:

– Мы заняты, Надь. Забыла?

– Смотря для кого, – прищурила глаз брюнетка.

Антон улыбнулся.

– Вы, случаем, в сорок второй квартире никого не знаете?

Брюнетка пустила дым колечком.

– В сорок второй – без понятия. Зато пятьдесят третья вполне свободна, и ключи у меня. Имеются свежие мысли?

– Надь, прекрати! – вновь хихикнула рыжая.

Не намереваясь поддерживать сей увлекательный диалог, Антон двинулся прочь. Однако не успел спуститься с крыльца, как дорогу ему преградила запыхавшаяся тётка, увешанная пакетами со жратвой.

– Вы наш врач, верно? Удачно я вас поймала. Пойдём, потолкуем по душам.

– Валуева из сорок второй? – догадался Антон. – Рад, что вы живы-здоровы. Я уж собирался дверь ломать.

Курившие на крыльце девицы заинтригованно замерли.

Тётка с пакетами ощетинилась.

– А в чём вообще дело? – Заявленных кашля и насморка у неё не наблюдалось, высокой температуры – тоже. – Я весь день вас прождала, отлучилась только минут на десять… Пойдёмте, доктор: накормлю-напою.

Девицы фыркнули.

Антон качнул головой.

– Я во второй раз к вам прихожу. Про свои десять минут, госпожа Валуева, кому другому расскажите. Всего хорошего.

– Могу я себе еду купить?! – Взмахнула пакетами «больная». – Второй раз, блин, он приходит! Ноги у вас, что ли, отвалятся?!

– Не отвалятся и у вас, – бросил, уходя, Антон. – Дотопайте до поликлиники.

– Такой прям делово-ой! – прокричала вдогонку тётка и обратилась за сочувствием к девицам: – Видали паскуду?!

Девицы переглянулись.

– Куда медицина катится? – посетовала брюнетка. – Пожрать-выпить предлагают и вон какие прелести в придачу. Не ценит, стервец.

– Да уж, – хихикнула рыжая.

Тётка с пакетами ломанулась в распахнутую дверь подъезда.

– Закройте хлебала, со́ски! Я такое ему организую – мало не покажется!

Брюнетка, глянув ей в след, пригасила окурок о стену.

– Если выдре этой, – пробормотала она, – запихнуть кой-куда морковку – спорить могу: морковка станет тёртой.

Рыжая прыснула:

– Прекрати, Надь, или я трусы обмочу!

Брюнетка протянула ей пачку «Мальборо», щёлкнула зажигалкой, и подруги закурили по новой.

Глава 4

Часы на руке Антона показывали без четверти пять. Поднявшись в лифте на свой этаж, он прошагал к двери соседей и нажал на кнопку звонка. Из квартиры донёсся собачий лай, и, стоило двери открыться, выпрыгнувшая немецкая овчарка облизала Антона с ног до головы.

– Отвянь, Степанида! – уклонялся Антон.

– Альма она, сколько повторять? – Богатырской своей фигурой Сева запечатал дверной проём. Он был, как и утром, одет в чёрные брюки, в белую сорочку при галстуке, и завершала его экипировку наплечная кобура. – Закончил на сегодня? – пробасил он уважительно.

– С вами закончишь. – Антон продолжал возиться с собакой. – Степанида, ну-ка, сядь!

Овчарка плюхнулась на зад, метя хвостом пол.

– Гав! – произнесла она.

– Обсудим это позднее, – распорядился Антон. – Марш домой!

Собака шмыгнула в квартиру, и Сева прокомментировал:

– Тащусь от вас.

Антон с прищуром на него воззрился.

– Почему не на работе? Медную Леди почему не охраняешь? Меж-прочим, я к жене твоей пришёл, и застать дома тебя не рассчитывал вовсе.

Сева хмыкнул.

– Перекусить заехал. Входи. – Закрыв за Антоном дверь, он пояснил: – Ирина Петровна моя четвёртый день дома застряла: дочка у неё болеет. Так что никаких у нас деловых встреч, совещаний и переговоров… Кстати, Антох! Может, ты…

– Не заикайся даже. Я не педиатр.

– При чём здесь педиатр? Дочь у неё взрослая…

– Закрыли тему. Частной практикой не занимаюсь.

Сева поднял руки вверх.

– Лады, как скажешь.

Овчарка, склонив голову набок, обдумывала, казалось, кто из них прав. Из комнаты меж тем донёсся писк младенца, переходящий в плач. Антон прислушался.

– Что у Ромки? Животик?

Сева хмуро кивнул.

– С ночи. Даём укропную водичку, трубочку ставим… Проходи в комнату. Что мы тут застряли?

Антон взъерошил свои кудри.

– Некогда, я на минутку. Светлана! – позвал он. – Живо сюда!

– Подождёшь! – огрызнулся из комнаты женский голос.

– Считаю до трёх, Светка! Раз… два…

Сева улыбался, прислонясь могучим плечом к шкафу. Овчарка притом подскакивала передними лапами.

Светлана явилась в прихожую в ситцевом домашнем платье с верещавшим грудничком на руках.

– Не понимаю, что с ним, – посетовала она. – Врач сказал, газы…

– Ну-ка, дай, – протянул руки Антон. – Не то у меня перепонки лопнут.

Светлана хмурила брови, однако лицо её хмуриться не желало.

– Ты с улицы, на тебе микробы. – Она сунула в рот младенцу соску, которую тот негодующе отверг. – А уши твои, барин, как-нибудь выдержат.

Ростом Светлана была пониже супруга, но повыше Антона даже без каблуков. В серо-голубых её глазах тревога за сына сочеталась с неистребимым лукавством, а тяжёлая коса

до пояса так и просилась в кинообъектив. Сева и Света с младенцем на руках будто сошли с плаката, рекламирующего ипотечное кредитование. Лишь кобура под мышкой у главы семьи выглядела неуместно.

– Микробы на мне дружелюбные, – заверил Антон. – Ребята, у меня времени мало.

Овчарка гавкнула дважды в его поддержку.

Светлана вручила Антону орущего младенца.

– Ох, смотри, сосед. Я склочная парикмахерша: в случае чего – по судам затаскаю.

Сева покосился на жену.

– Не смешно, Свет.

– Кто сказал, что я смеюсь?

Антон меж тем держал их трёхмесячного сына и свободной рукой сквозь пелёнку поглаживал ему животик.

– Не ори, Роман Всеволодович. Медитируй. – Антон улыбался, глядя в красное от крика лицо грудничка. – Скоро йогой займёмся. В «лотос» садиться будешь и закладывать ноги за голову. Не в пример тупым твоим родителям, полагающим, будто со своим природным здоровьем можно вытворять чёрт знает что.

– Что такого мы вытворяем? – пробасил Сева.

Антон в его сторону и бровью не повёл.

– И питаться, Ромка, ты будешь с умом. – Он поглаживал младенцу животик. – Овсянка, творог, много овощей-фруктов и немного рыбы-мяса. А не то что эти: ветчина с пивом, да колбаса с водкой.

– Мы, что ли, так питаемся? – возмутилась Света и вдруг заметила, что сынишка её притих.

Младенец хорошенько пукнул. Антон, однако, продолжал его поглаживать, слегка покачивая на руках.

– И организм свой, Ромка, научишься ты контролировать на клеточном уровне. И болеть, конечно же, не будешь. Ну скажи на милость, Ромка, зачем тебе врачи? – заострил вопрос Антон. Ребенок улыбнулся, ему беззубым ртом, обозначив на щеках ямочки. Антон потёрся носом о его носик. – Вырастешь ты, Ромка, умным и жадным до знаний. И друзьям своим ты объяснишь, что болеть просто-напросто неприлично и что многомудрая медицина – всего лишь набор заблуждений… – Антон протянул ребёнка матери. – Держи, склочная парикмахерша. Похоже, я его усыпил.

Принимая сына, Светлана чмокнула Антона в щёку.

– Я те покажу ветчину с пивом!

Сева вздохнул, словно кузнечные меха.

– Нет, просто опупеть. Антох, зайди: стоишь тут как бедный родственник.

– Да уж, – подхватила Светлана, – зайди поешь колбасу с водкой. Что бог послал.

Антон взялся за ручку двери.

– Юмор оценил. Обнажи грудь, Светка, и я побегу.

– Уговаривать тебя без толку, – вздохнула Светлана, отнесла сына в кроватку и вернулась.

Сева смутился:

– Обязательно в прихожей, да?

– Можешь отвернуться, – фыркнул Антон. – Обе груди, Свет.

Сева проворчал:

– Правую-то зачем? Она ж в норме.

– Хочу в этом убедиться. – Антон стоял, опираясь на дверную ручку.

Светлана, расстегнув пуговки на платье, выпростала груди, свободные от лифчика. Груди были округлые, налитые, с натруженными сосками. Антон поцокал языком. Светлана озадаченно осведомилась:

– Оттуда будешь пялиться?

– Повернись-ка боком, – распорядился Антон. – Ещё немного. Так, теперь другим боком. Чудненько. – Антон приоткрыл входную дверь. – Пока, ребята.

– Затвердения не останется? – побеспокоилась Светлана.

– Ха! – Антон шагнул через порог. – Прикрой рот, Сева, и кувыркнись через голову. – Дверь за ним захлопнулась.

Сева заботливо заправил груди жены в платье.

– Не педиатр он, слыхала?

Света сдула со своего лба прядь волос.

– Вообще-то, – заметила она, – вот так ни один врач меня не осматривал.

– Ну да, – ехидно пробасил Сева, – нормальный врач осмотрел тебя как положено и направил в хирургию. Свет, ты кричала от боли похлеще Ромки.

– При чём здесь это? Я ж не говорю, что…

– А чудик этот, – Сева кивнул на дверь, – подержал тебя за сиську – и твой мастит будто корова языком слизнула. Частной практикой он, видите ли, не занимается!

Светлана уперла руки в бока.

– Севка, ты это к чему? Не зли меня, детка.

– Я к тому, чтобы ты не выпендривалась. Даже если он осмотрит тебя через бронированное окно.

– Извини, детка: через окно – это неправильно. Хочу, чтобы он держал меня за сиськи.

Сева расхохотался. Светлана рассмеялась также. И овчарка принялась скакать вокруг, приобщась к их весёлости.

Глава 5

Дома Антон разделся быстренько и в тренировочных своих плавках занялся йоговской гимнастикой. Начал он, разумеется, с упражнений дыхательных. Вдох зарождался под пупком и, пройдя семь основных чакр, достигал макушки – затем в обратном направлении следовал выдох. В систему эту, впрочем, Антон внёс некоторую модернизацию: он представлял себе, что окружающее пространство дышит вместе с ним, дышит, расширяясь и уходя в лучезарную бесконечность. Антон как бы сосредотачивал в себе некое «мировое дыхание». После четырёх-пяти таких вдохов-выдохов возникало ощущение, будто горы можно двигать шевелением пальца. Тут-то и наступал момент переходить к асанам, то есть позам, в которых позвоночник, суставы и мышцы, принимая необычные положения, испытывают непривычные нагрузки. Годами Антон Климов совершенствовался в йоговской технике и теперь, «перетекая» из одной позы в другую, испытывал наслаждение, ни с чем не сравнимое. Затем следовал контрастный душ. И затем, после всего этого, творог с овощами воспринимался как шербет султана.

Далее предстояло занятие математикой. Сидя за письменным столом, Антон раскрыл учебник и тетрадь. Теория вероятностей казалась увлекательной, как хороший детектив. Антон сверился со своими выписками из учебника: «Событие, которое при данных условиях может произойти или не произойти, называется случайным событием. В повседневной деятельности мы оцениваем вероятность такого события.» Так, это проще пареной репы. Антон перелистнул страницу: «Событие, которое не может не произойти, называется достоверным. И напротив, событие, которое произойти не может, называется невозможным (например, выпадение семи очков при бросании кости). Два события называются несовместными, если появление их обоих в данном опыте невозможно.» С этим тоже всё ясно. Далее: «Суммой событий А и В (А +В) называется событие, состоящее в появлении хотя бы одного из этих событий. Произведением событий А и В (А*В) называется событие, состоящее в появлении обоих этих событий.» И здесь никаких вопросов не возникало: над учебником Антон поработал основательно. Пора было переходить к решению задачек. Антон стал читать условие: «В ящике лежит 7 белых и 5 чёрных шаров, одинаковых по размеру…»

Зазвонил телефон. «…Сначала вынимают вслепую один шар, – продолжал читать Антон, снимая трубку, – затем – еще один…»

– Алло, произнёс он рассеянно.

– Антон Алексеевич, какое счастье! – донеслось из трубки. – Мобильник, как обычно, у вас отключён. Хорошо, хоть дома вы доступны.

Антон оторвал взгляд от текста задачки.

– Мам, я обещал, что зайду к ужину. Думаешь, забыл?

– Молодец. К половине восьмого, не опаздывай.

Антон посмотрел на часы.

– К восьми. Раньше не успею. Оденьтесь с папой в спортивную форму.

– Зачем?

– Проверю, как вы преуспели в йоге.

После короткого молчания мать поинтересовалась:

– Можно обозвать тебя нехорошим словом?

Веснушки на лице Антона растеклись в улыбку.

– Тогда семейный ужин отменяется. Я занят.

На сей раз молчание длилось дольше.

– Пороли тебя в детстве мало.

– Вы наденете форму?

– Да. Но только попробуй опоздать. – Мать бросила трубку.

Антон вернулся к задачке: «Сначала вынимают вслепую один шар, затем – еще один. Какова вероятность того, что оба шара окажутся чёрными?» Покусывая колпачок авторучки, Антон после короткого размышления использовал формулу условных вероятностей. Ответ получился не слишком красивый: 5/33. Антон ещё погрыз авторучку, пересчитал – те же 5/33. Браня себя за тупость, он заглянул в ответы, помещенные в конце учебника. И надо же, решение оказалось верным. Воодушевясь, Антон приступил к другой задачке: «Станок-автомат выпускает гвозди, причём вероятность появления бракованного гвоздя равна 0,1%. Какова вероятность получения не более двух бракованных гвоздей в серии из 1000 штук?» Здесь Антон, не колеблясь, применил формулу Пуассона и, проделав расчёты, получил 92%, что опять же совпало с ответом в учебнике. На сегодня, таким образом, с теорией вероятностей было покончено.

Антон посмотрел на часы, оценивая время, оставшееся до ужина у родителей. Затем достал из ящика стола монографию по космологии. Откладывать на завтра не хотелось, ибо наука эта вызывала у Антона интерес головокружительный. Раскрыв книгу на заложенной странице, Антон стал читать: «Расширение Вселенной началось с сингулярного состояния, при котором любые две точки наблюдаемого ныне пространства были сколь угодно близки друг к другу, а плотность вещества была бесконечной. Момент, когда началось расширение Вселенной, принято называть Большим взрывом…»

Опять зазвонил телефон. Оторвавшись от загадок мироздания, Антон снял трубку, и ухо его щеконтул насмешливый мужской голос:

– Допустим, привет.

– Предположим, здравствуй, – ответил Антон.

– Что слышно? Ты уже достаёшь носом до попы?

– Пока, увы.

– Прискорбно. Как учил гуру Шри Ауробиндо: «Пока не сделано всё, не сделано ничего.»

Антон хмыкнул.

– Гриш, а сам-то? Хоть дотянулся лбом до колена?

– Позавчера. Притом четвёртый день жру овсянку, творог и прочую тошниловку.

– Не возгордись, – назидательно произнёс Антон. – Ибо, как заметил гуру Сатпрем: «Прошло время становиться лучше, настало время стать кем-то другим»

Из трубки донёсся смешок.

– Это я и хотел с тобой обсудить. Как насчёт вечерней прогулки?

– Увы, Гриш. Ужинаю у родителей.

– Надо же. Мероприятие плановое или…

– Не ходи к гадалке: очередную невесту мне подыскали. Для моей матушки, Инин, твоя семейная жизнь – идеал, к которому я стремиться должен.

Гриша Инин издал смешок.

– Что ж, не будем разрушать иллюзию. От моей семьи, кстати, большой тебе привет. Лицезреть тебя жаждут, йог шизанутый.

– Передай Ане и Вове: вскорости – непременно. – Глянув на часы, Антон убрал космологию в ящик стола. – Может, завтра заскочишь?

– Созвонимся. Родителям кланяйся, и привет Джеймсу.

Антон обернулся к можжевельнику:

– Привет тебе от Инина, Джеймс. – Ветви можжевельника будто дрогнули. – И тебе от него привет, – перевёл Антон и положил трубку.

До родителей неторопливой ходьбы – минут пятнадцать. Притом вечер был тёплым полетнему, и в тонкой сорочке с закатанным рукавом Антон ощущал себя комфортно. На выходе из подъезда его остановила интеллигентная супружеская пара. Лица супругов были смутно

Антону знакомы, но, как водится в московских многоквартирных домах, ни здрасьте вам, ни до свидания. И вот, что называется, момент настал.

– Извините, Бога ради, – обратился к Антону профессорского вида господин, – вы не из тридцать шестой квартиры?

Не успел Антон ответить, как супруга его с милой картавостью уточнила:

– Из того вегтепа, где на дуболомную ггомкость вгубают тгеклятый гэп.

Антон качнул головой.

– Я не из тридцать шестой, я выше двумя этажами.

Господин прищурил близорукие глаза.

– Вы уверены? Ведь я, простите за назойливость, всё равно выясню. И тогда, смею вас предупредить, приму адекватные меры.

– Выясняйте, – отступил на шаг Антон. – Удачи вам.

– Если вы вгёте, – ввернула дама, – мы ваши чёгтовы колонки гаскугочим вдгебезги.

Антон рассмеялся.

– Курочьте, я присоединюсь. – Он зашагал прочь.

Супруги смотрели ему вслед.

– Пгисоединишься, – пробормотала дама. – Я тебе это устгою.

Муж взял её под руку.

– Пойдем, Фаня. Вряд ли он из тридцать шестой.

– Не считай меня дугой! – возмутилась супруга. – Газумеется, это не он вгубает по ночам гэп. Но что за манегы? Пусть засунет свою игонию себе в промежность.

И плавно перейдя к обсуждению лауреатов конкурса имени Чайковского, они продолжили свою прогулку вокруг дома.

Глава 6

Мать слегка навела макияж и вместо обещанной спортивной формы нарядилась в приталенное платье и в туфли на каблучке. Волосы её стянуты были заколкой, в ушах поблескивали серьги – не мать, загляденье.

– И фигурка у тебя что надо, – чмокнул её в щёку Антон. – Но как ты собираешься заняться йогой в таком прикиде? Неужели ты цинично меня обманула?

Прихожая благоухала кулинарными ароматами, и в тесноте двухкомнатной квартирки звучал кларнет, разучивающий «Сан-Луи блюз».

Мать поставила перед сыном тапочки.

– Не занудствуй, Антон Алексеевич. Устала я за день, понимаешь?

– Ещё бы, Галина Павловна: такие хлопоты. – Антон переобулся. – Алексей Захарович так же утомлён? Или продемонстрирует нам позу «кузнечика»?

Кларнет в комнате запнулся, но тотчас продолжил мелодию.

Мать потрепала сына за ухо.

– Не трогай папу, злыдень. Папа чокнулся на своей музыке похлеще тебя.

– Бедняжка, – вздохнул Антон. – К визиту моему он тоже не забыл приодеться, или ошибаюсь?

Мать театрально развела руками.

– Антон Алексеевич, мы заурядные пенсионеры. Ваш визит для нас – праздник.

Антон хмыкнул.

– Ладно, мам, кто она? Давай, колись: размеры бюста, окружность бёдер, прочие аксессуары.

Мать изобразила возмущение:

– Что за чушь?! Придёт же такое в голову!

Тут с кларнетом в руке явился отец (в отутюженных брюках и шёлковой сорочке) и по-военному отрапортовал:

– Оксана. Тридцать лет. Замужем не была. Работает операционистом в «Сбербанке». Рекомендована Клавой Утятиной. Помнишь эту мамину подружку?

Антон простонал:

– Ещё бы!

– Согласовано без меня. – Отец помахал кларнетом. – Я лишь обеспечиваю музыкальное сопровождение.

Щеки матери вспыхнули.

– Два придурка! Посмотрели бы на себя со стороны!

Отец и сын окинули друг друга оценивающим взглядом.

– Вообще-то, – заметил Антону отец, – с годами ты стал похож на Чебурашку, блуждающего в поисках крокодила.

– А ты, – парировал Антон, – с годами стал похож на меня.

Мать рассмеялась.

– Я видела её фотографию, клоуны! Неужели я пошла бы на знакомство вслепую? – Она взглянула на свои часики. – Девушка вот-вот придёт. Прошу тебя, Антон: будь хорошим мальчиком. Последний разок, ладно?

Антон кивнул.

– Уговорила. Пройдём, ребята, в комнату и затаимся в ожидании.

Так они и поступили.

Стол в гостиной уставлен был закусками. Антон возвёл глаза к небесам. Мимика его, разумеется, от матери не укрылась.

– Ты этого не ешь – ради Бога! – отреагировала она. – Зато другие оближут пальчики!

Присев на диван, Антон посмотрел на отца.

– И кто же эти «другие»?

– Только не я. – Отец нацелил кларнет на горку салата «оливье» и губами сымитировал звуки выстрелов.

Антон улыбнулся.

– Горжусь тобой.

– Рад стараться, сэр. – Отец присел на диван рядом с сыном. – Доложить вам, для кого всё это наготовлено?

– Сам догадался. Методом исключения.

– Сын мой, твои аналитические способности меня поражают.

Они рассмеялись.

Мать сверкнула глазами.

– Знаете что?! – Она с грохотом подвинула стул. – Могу вообще с вами не разговаривать!

– Горе-то какое! – покачал головой отец. – Не выпить ли нам по рюмке сердечных капель?

Антон кивнул.

– Позже. После встречи с кандидаткой.

Мать, как ни странно, промолчала.

Отец и сын меж тем расположились на диване вполоборота друг к другу.

– Сколько было вызовов? – поинтересовался Алексей Захарович.

– Пять, – доложил Антон. – А у тебя?

– Семь, – объявил отец не без гордости. – Ничего особенного, стандартные неполадки.

Выйдя на пенсию, Алексей Захарович подрабатывал ремонтом персональных компьютеров и установкой компьютерных программ. И подрабатывал неплохо.

– У меня то же самое, – поддержал беседу Антон, – сплошная рутина. Хоть женись, хоть вешайся.

Алексей Захарович покрутил пуговку на его рубашке.

– Если ты хороший сын, ты сделаешь правильный выбор.

– Скоморохи! – ввернула Галина Павловна. – Шуты гороховые!

«Шуты» и бровью не повели. Антон сказал отцу:

– На кларнете ты заметно продвинулся.

– Могу сообщить, – просиял Алексей Захарович, – мы с чуваками создаём джаз-банд. Будем иногда лабать в ресторане.

Антон улыбнулся всеми веснушками.

– Какой состав?

– Рояль, кларнет, бас-гитара и ударные. Хотели скрипку ввести, но не срослось.

– Послушайте, – вмешалась в разговор Галина Павловна, – не могу же принять девушку по-жлобски. Хватит делать из меня тупую гусыню. Придёт она знакомиться, а мы ей – творожок и гречку.

Алексей Захарович чмокнул жену в лоб.

– Ты не гусыня, Галка, ты выпендрёжница. Чтобы не отпугнуть девицу гречкой, ты устраиваешь кулинарный фейерверк.

– Вот именно. – Антон поцеловал мать в щёку. – Вбила себе в голову, что я должен плодиться по твоему указу. Поверь, мам, в этой сфере у меня проблем нет.

– Ещё бы! – Мать толкнула его ладонью. – Возможности потрахаться ты не упускаешь!

Отец покраснел.

– Галя! Ты хоть соображаешь…

– Что Галя?! – обернулась к мужу Галина Павловна. – В июле мы познакомили его с Ингой, помнишь? – Она кивнула на Антона. – По его словам ничего у них не получилось.

И что, по-твоему, это значит? Оказалось, они дважды переспали, после чего наш Тоня сделал ноги.

– Откуда эти сведения? – смутился отец.

Мать с усмешкой отчеканила:

– Из достоверного источника! – И погрозила сыну пальцем. – Думаешь, я слепая?!

Антон пожал плечами.

– Из уважения к тебе, мам, я дважды пытался наладить с Ингой отношения. Увы, безуспешно. Впрочем, самими попытками она осталась довольна.

Мать издала смешок.

– И об этом знаю. Но мне, Тоня, эротические твои подвиги до лампочки. Вот, к примеру, Гриша Инин. За одной партой с тобой сидел, а у него давно уже семья полноценная…

– Привет вам, кстати, от Гриши, – ввернул Антон. – И от его полноценного семейства.

– Спасибо, ему того же. Мне внуки нужны, Тоня, а не твои безуспешные попытки.

Антон прошёлся по комнате.

– Ладно. Вот придёт сейчас эта… операционистка, и мы займёмся твоим проектом немедля. Прямо здесь, на диване, под пристальным твоим наблюдением.

Отец поморщился.

– Прекрати. В принципе, я маму поддерживаю.

Антон развёл руками.

– Ей-богу, ребята, если бы не моё чувство юмора, я бы с вами свихнулся. Однако лишь замечу: во-первых, если ваша Оксана в свой тридцатник замуж даже не сходила, с ней явно что-то не так; а во-вторых, – Антон взглянул на часы, – деваха эта на встречу с будущей свекровью вовсе не торопится.

Мать также посмотрела на часы, и лицо её выразило недоумение.

– Да, странно… Мало ли какие обстоятельства у человека бывают в жизни.

– Допустим, – кивнул Антон. – Но почему ты так спешишь повесить это на меня?

– Хороший вопрос, – хмыкнул отец.

И Антон добавил:

– Я не старая дева, мам. Сбывать меня с рук вовсе не обязательно: может ещё пригожусь.

Отец зааплодировал.

Мать перевела гневный взор с одного на другого.

– Вы опять?! Что бы я ни сказала, с ног на голову переворачиваете! Никто, Антон, ничего на тебя не вешает! Выбор за тобой, тормоз!

Мужчины обменялись взглядами, и лица их в этот момент обрели поразительное сходство.

– Пап, – тихо произнёс Антон, – расскажи мне про маму.

– Что именно, сынок?

– Какой институт она окончила?

– Историко-архивный. Притом с красным дипломом – не в пример тебе, троечник.

– О да! А где она трудилась до пенсии?

– В издательстве «Наука», сын мой. Едва не дослужилась до главреда, чего и тебе желает в районной твоей поликлинике.

– Теперь я понял, отец, почему она у нас такая умная, деловая и по-хорошему агрессивная.

Мать хлопнула по столу.

– О’кей, ждём ещё десять минут. Согласны?

– Притом заметь, – обратился Алексей Захарович к сыну, – она всегда находит выход из щекотливого положения.

– В которое сама же угодила, – дополнил Антон.

Галина Павловна вздохнула.

– Десять минут. Разве я многого прошу?

Повисло короткое молчание. Затем отец спросил сына:

– Что читаешь художественного?

– «Гроздья гнева» перечитываю. А ты?

– Паоло Коэльо, эту… как её… «Ведьму с Портобелло».

– И каково впечатление?

– Кружевная муть.

Беседуя в таком духе, они отсидели назначенные десять минут и, поскольку «кандидатка» не явилась, приступили к ужину. Съели по куриной грудке с овощами, выпили по чашечке кофе – остальные разносолы, соответственно, оказались не востребованы. После ужина, поговорив с родителями о том о сём, Антон засобирался домой.

В прихожей мать обняла его.

– Достала я тебя, да?

Антон поцеловал её в макушку.

– Свои возможности ты знаешь.

Закрыв за сыном дверь, Алексей Захарович простонал:

– Умоляю, Галка: оставь его в покое!

Галина Павловна прислонилась к плечу мужа.

– Лёш, не могу. Вот представь: возвращается он сейчас в свою каморку и медитирует, медитирует…

– Он счастливый человек, Галь. Усвой это.

– Угу, из космоса энергию черпает, дурачок. И поговорить может только с можжевельником Джеймсом. От такого счастья, Лёш, мне больно.

Обняв мужа, Галина Павловна разрыдалась.

Глава 7

Следующим утром, в пятницу, фальшиво насвистывая «Сан-Луи блюз», Антон Климов, как обычно, отправился врачевать тех, кто желал и не желал лечиться. На плече Антона привычно покачивалась сумка, и погода, опять же, стояла изумительная. У подъезда, на тротуаре, глуби с воробьями азартно потрошили хлебную корку. Четыре вороны, сидя на ветке липы, со скучающим видом наблюдали за происходящим.

– Девушки! – обратился к ним Антон. – Вы не в курсе, куда Клеопатра подевалась?

Вороны, вроде, переглянулись. Одна из них, трепыхнув крылом, издала ехидное «карр!». Из-за угла меж тем выскочила немецкая овчарка и, радостно тявкая, принялась наскакивать на Антона.

– Уймись, Степанида! – отбивался Антон. – Контролируй свои порывы… Сядь, а то поссоримся!

Собака покорно села, лишь движением хвоста выражая восторг. С поводком в руке, поступью Командора, к ним приближался Сева. В чёрных брюках и белой рубахе, без наплечной кобуры.

– Привет, Антох! – пробасил он. – Дело такое…

– Клеопатру не видел? – перебил Антон. – Плачу́ за информацию.

Сева с высоты богатырского роста воззрился на него в недоумении.

– Какую Клеопатру?… А-а, эту… ворону твою? Для меня, Антох, они все на одно рыло. Тут знаешь…

– Сам ты рыло. Клеопатра умней многих людишек. Если ты этого не сечёшь, тебе никогда не встроиться в Экосистему. Прощай, Сева, ухожу разочарованный.

– Ладно, я не прав. Антон, осмотрел бы ты дочь Ирины Петровны, а? Уж она не поскупится.

Из улыбки Антона веснушки осыпались, как осенние листья.

– Значит так, – отчеканил он, – условимся на будущее. Если я говорю, что частной практикой не занимаюсь, понимай слова мои буквально – иначе поссоримся.

Сева стушевался, как школьник в кабинете директора.

– Антон, бывают ведь исключения. Ирина Петровна тебя отблагодарила бы…

– Сева, я неприметный участковый терапевт. Твоя Медная Леди, конечно же, имеет возможность залучить легион светочей медицины, в которую, как ты знаешь, я не верю. Более того, скажу по секрету, медицина, в современном её состоянии, вредна, ибо способствует деградации человечества. Но, само собой, всё это лишь придурь районного эскулапа. А Медная Леди за свои деньжищи имеет право на сервис по высшему разряду. Улавливаешь? – Изобразив воздушный поцелуй, Антон зашагал прочь.

Вслед ему не раздалось ни воркотни, ни гласа возмущения. Даже овчарка Альма-Степанида не выразила поскуливанием грусти при расставании. За спиной Антона было тихо, и тишина эта звучала как упрёк. Надо заметить, упрёк этот портил Антону настроение, но что поделаешь…

В поликлинике, в родном 23-м кабинете, медсестра Надежда Фёдоровна, распахнув форточку, смотрела на облака в небе.

– Погода – хоть помидоры сажай, – изрекла она после обмена приветствиями. Притом лицо её, симметрично разделённое прямым пробором, выражало непреклонное благочестие. – На дачу бы сейчас. Навозом конским запастись – и в грядку.

С этим Антон легко согласился. В белом халате, откинувшись на спинку стула, размышлял он о Севиной просьбе. Отказ её выполнить оставлял неприятное послевкусие, но альтер-

нативы Антон не видел: по собственным ощущениям, он был ещё не готов любой трудный случай излечивать наверняка.

Пациентов, ждущих приёма, с утра не было.

– Пятница, – прокомментировала медсестра. – Открывать больничный лучше с понедельника. Народ у нас смекалистый.

Антон согласился с этим.

Далее Надежда Фёдоровна завела речь о своих внучатах. Трудно, мол, воспитать детей умными и здоровыми, когда родители их (сын медсестры и дочь) ни особым умом, ни здоровьем не отличаются.

С этим Антон согласился безоговорочно.

Наконец, явилась пациентка. Лет за сорок – невзрачная, тихая, но с достоинством. Королевским жестом она вручила медсестре свою амбулаторную карту.

– Могу я померить давление?

Около двух лет с предсказуемой периодичностью наблюдал Антон вегетососудистую дистонию, с которой женщина эта, судя по всему, расставаться не желала. Однако не хныкала, бюллетень не требовала – лишь проверяла давление и глотала лекарства, как бы намекая доктору: это всё, что от вас требуется, с остальным – справлюсь сама. Что ж, подобная стратегия была лучше, чем никакой.

– Конечно, Эльвира Борисовна. – Антон подвинул стул. – Присядьте и закатайте рукав.

– Вы помните моё имя. – Голос пациентки прозвучал на грани слышимости. – Я польщена, Антон Алексеевич.

Сочинять гламурный ответ Антон поленился. Он просто измерил пациентке давление и объявил:

– Сто тридцать на девяносто. Корвалдин, как обычно?

– Да, как обычно, – столь же тихо подтвердила дама. И, когда Антон выписывал рецепт, промолвила: – Хорошо выглядите, доктор.

Антон пожал плечами. Что-то она сегодня расчирикалась.

Не менее удивлённая медсестра проявила вдруг куртуазность:

– Вы тоже выглядите неплохо.

– В сравнении с покойницей, – отреагировала пациентка, причём на сей раз её голос окреп.

Возражать Антон не стал принципиально.

– Заходите, Эльвира Борисовна, – протянул он женщине рецепт. – Если что – вызывайте на дом.

Благодарность Эльвиры Борисовны была столь тихой, что расслышать её практически не удалось. Стоило этой пациентке выйти, как в кабинет ворвался усач в плаще и с портфелем.

– Здрасьте вам! – гаркнул он молодцевато.

– Куда в верхней одежде?! – рявкнула в ответ медсестра. – Ну-ка, выметайтесь!

Господин в плаще, усы которого свисали до подбородка хохотнул.

– Я же не больной, я только хочу…

– Больной, здоровый – марш в гардероб! – Медсестра привстала в гневе. – Здесь вам не базар-вокзал, мужчина!

Усач вытянул из-за спины букет алых тюльпанов.

– Я только хочу вас поблагодарить, – шагнул он к медсестре. – Вы маму мою кололи, вчера закончили. Кудрявцева Елена Родионовна, помните? Рука у вас лёгкая, спасибо.

Надежда Фёдоровна зарделась как маков цвет.

– Да ладно, ничего особенного…

– Особенная – вы! – Усач положил букет на стол и приоткрыв портфель, глянул на Антона. – Ничего, что я напрямик? Рад бы обставить поделикатней, но, блин… время!

– Нет проблем, – сказал Антон. – Действуйте.

Усач извлёк из портфеля солидную коробку конфет.

– Вот, мама желает вам сладкой жизни. – Он поцеловал Надежде Фёдоровне руку. – Извините, что не снял плащ.

И он умчался так же стремительно, как вошёл.

Медсестра буквально сомлела. Взирая на цветы и конфеты, она попыталась нахмуриться.

– Ладно, с этим разберёмся как-нибудь.

Антон хмыкнул.

– Надежда Фёдоровна, вы похожи на политика, запустившего лапу в партийную кассу.

– Антон Алексеевич, я этого не просила.

– Не просили, но заслужили. Расслабьтесь, моя золотая: просто я ваньку валяю.

Тут походкой манекенщицы вошла Зоя, медсестра доктора Куницына – сменщика Антона по кабинету. Приталенный халат эффектно облегал её фигуру, и волосы, как обычно, торчали в продуманном беспорядке.

– Вижу, здесь гуляют! – объявила она. – Привет всем, кто меня любит!

Надежда Фёдоровна прикрыла конфеты корпусом. Резкие черты её лица будто подмёрзли.

– Рановато сегодня, – буркнула она. – Прямо горишь на работе.

Зоя одарила её улыбкой.

– На участке закруглилась. Пришла вот… э-э… привести в порядок данные по диспансеризации. Вячеслав Иванович велит. «Учись, – говорит, – у Надежды Фёдоровны: она идеал. Доктор Климов, – говорит, её не достоин.» – «О'кей, – говорю, – может, махнёмся? Надежду Фёдоровну – вам, а меня – доктору Климову. Уж как ста-араться буду!» Согласны, Антон Алексеевич?

Антон качнул головой.

– Даже не думай.

– Вот так всегда, – надула губки Зоя. – Снова я отвергнута.

Надежда Фёдоровна состроила гримасу неописуемую.

– Ой, щас разрыдаюсь! Пришла документировать диспансеризацию – документируй, не верти хвостом.

Зоя захлопала ресницами.

– А вы? Неужели всё уже оформили?

– До отпуска ещё. Не в моих правилах тянуть резину.

– Списать дадите?

Антон рассмеялся. Надежда Фёдоровна весёлости этой не разделяла и на медсестру доктора Куницына взирала осуждающе.

– Тебе уже тридцатник, балагурщица. Когда уймешься?

Зоя вздохнула.

– О'кей, хоть чай с конфетами попьём?

Надежда Фёдоровна чисто рефлекторно, видимо, отодвинула коробку подальше.

– Рановато, вроде, для чая.

– Ничего, я потерплю. – Взглядом Зоя указала Антону на дверь, шагнув притом к столу Надежды Фёдоровны. – Какой марки у вас конфеты – «Коркуновъ» или «Красный Октябрь»?

Надежда Фёдоровна, склонясь над коробкой, надела очки.

Антон проговорил в пространство:

– Больных в коридоре много?

– Ни души, – заверила Зоя.

Надежда Фёдоровна пристально изучала конфетную коробку.

– По-иностранному написано. По-немецки, вроде.

Антон встал со стула.

– Поскольку сладкого я не ем, отлучусь ненадолго.

– Валяйте, – отозвалась Зоя. – Нам больше достанется.

Выходя, Антон слышал бормотанье своей медсестры:

– Австрия, кажись. Глянь, Зой, что здесь накарябано…

В коридоре, действительно, было пустынно. Причём не только у двери кабинета, но и в обозримом пространстве. Лишь на мгновение мелькнула коллега-терапевт и, кивнув Антону, скрылась в дамском туалете. Держа руки в карманах халата, Антон прогулялся к лестничному пролёту, огляделся и свернул в тупичок, где, как по заказу, горела только одна из четырёх ламп. Дверь в подсобку была приоткрытой. Помещение завалено было хламом, предметно описать который не смог бы, вероятно, сам чёрт. Отодвинув ведро со шваброй, Антон шагнул к столу, обшарпанному, но крепкому, смахнул с него окурки и посмотрел на часы.

Зоя вошла на цыпочках, закрыла дверь на ключ и яростно впилась губами в губы Антона. Они принялись лихорадочно расстёгивать друг на друге одежду. В захламлённом тёмном чулане будто воцарилась южная ночь, не хватало только звёзд на потолке. Зоя приспустила на Антоне брюки с трусами, а он в свою очередь, ловко стянул колготки и трусики с неё. Вслед за тем она опрокинула его на стол спиной, проворно заняла позицию сверху и, вобрав в себя набрякший мужской член, вскрикнула. Антон запечатал ей рот ладонью. Зоя неистово задвигалась вверх-вниз, вертясь притом, как юла и кусая ладонь Антона, прижатую к её губам. Женщина, казалось, обезумела. И, когда Антон, выгнув спину, весь подался ей навстречу, безумство это достигло апогея. Зоя забилась, точно пойманная рыба, задёргалась, словно в припадке, и рухнула на грудь Антону, царапая ногтями его рубаху. Минуту-другую она приходила в себя, затем, переведя дух, прошептала:

– Умоляю, ещё!

И всё началось с начала, но помедленней и понежнее. И, когда Зоя, умиротворённая и обессиленная, вновь упала Антону на грудь, на сей раз он потребовал:

– Ещё!

Зоя беззвучно засмеялась:

– Доктор, мы рискуем…

Не дав ей договорить, Антон уложил её на стол, ноги её закинул себе на плечи и вошёл в неё стоя. Толчки Антона походили на сейсмическую катастрофу, и штаны его сперва опустились до колен, затем сползли на туфли. Чтобы не заорать на всю поликлинику, Зоя кусала губы. Пика они достигли одновременно, причём Антон – лишь теперь. После мгновений блаженной неподвижности оба принялись деловито приводить себя в порядок. Натягивая колготки, Зоя посетовала:

– Муж так не умеет. Обидно до соплей.

– Уместное замечание, – буркнул Антон, застёгивая на брюках «молнию».

Зоя обвила руками его шею.

– Ты меня не бросишь?

– При первой возможности. Так что брось меня сама.

Она обняла его шею крепче.

– Разве нам с тобой не сладко?

Антон кивнул.

– С медицинской точки зрения – ничего, кроме пользы. Только послевкусие скверное.

Зоя погладила его кудри.

– Знаю, милый. Нам бы с тобой широкую кровать хоть на сутки.

– Столько, боюсь, ты не выдержишь.

– Ты редко меня тренируешь. И никогда не зовёшь к себе домой. Почему, интересно?

Антон чмокнул её в нос.

– Чтобы романтики не утратить. Ну что, разбежались?

Зоя взяла его за руку.

– Скажи честно, мы с тобой друзья?

– До гроба. – Антон сжал её руку. – С чего тебя вдруг на лирику повело?

Зоя помедлила с ответом.

– Сама не знаю… О'кей, выходишь первым. А я почищу тут пёрышки.

Шагнув за дверь, Антон огляделся. Тупичок по-прежнему был безлюден. Антон пробормотал, не оборачиваясь:

– С меня как с гуся вода. Мог бы вернуться на приём со спущенными штанами.

– Вот бы посмотреть! – хихикнула Зоя, запираясь изнутри.

Антон неторопливо направился к своему кабинету. Больных в поликлинике, на глазок, не прибавилось. В коридоре, однако, Антона остановила старушка Земнова, вчера побывавшая у него на приёме:

– Где ж летали, соколик наш?

– Здравствуйте, Анисья Игнатьевна, – невозмутимо ответил Антон. – Неужто прихворнули со вчерашнего дня?

Сухонькая седовласая пациентка в том же строгом платье, с тем же цветастым платком на плечах и в шнурованных ботинках небрежно отмахнулась.

– От старости могила лечит, хворать некогда. Только вот к зубному записалась, коронку подправить.

– Что ж, удачи вам, – попытался ускользнуть Антон.

Однако Анисья Игнатьевна заступила ему дорогу.

– Погоди, и к тебе дело имею. – Старушка поправила на плечах платок. – Как говорится, сделал добро – не жди худа.

– Слушаю вас, Анисья Игнатьевна.

– Полечил бы ты Вальку, внучку моей подруги. Кашляет она, а к врачу не идёт…

– Пусть на дом вызовет: приду – разберемся. Всего доброго, Анись…

– Постой, торопыга! – начала сердиться старушка. – Тебя она вызвать не может. Она с участка доктора Блумберг.

– Извините, – в свою очередь рассердился Антон, – но пациентов с чужого участка я не лечу. Роза Марковна врач с большим опытом, и уж поверьте, кашель она одолеет.

– Ну да, и комар лошадь свалит, если волк пособит.

– При чём здесь комар? Роза Марковна – отличный специалист…

– Уймись ты со своей Розой Марковной! – сверкнула глазами старуха. – Можешь ты просто зайти, осмотреть и лекарство назначить? Мало ли кто к кому ходит. О чём не сказывают, о том и не допытываются. Болтать ведь не обязательно.

Мимо них процокала каблучками Зоя. Щёки её алели румянцем. Глянув на Антона из-под ресниц, она, покачивая бёдрами, направилась в регистратуру. Анисья Игнатьевна, неодобрительно прокомментировала:

– Была бы постель, а милый найдётся. Не туда глядишь, соколик. Как насчёт моей просьбы? – Из потёртого кошелька она выудила не менее потёртую пятисотрублёвку. Само собой, доктор, не бесплатно.

Веснушки Антона покраснели.

– А вот сейчас, Анисья Игнатьевна, мы с вами поссоримся.

Старуха казалась довольной.

– Ладно, Антон Алексеевич, не в обиду. – Спрятав деньги, она извлекла из кошелька клочок бумаги. – Вот Валькин адрес. Заглянешь сегодня?

Антон едва не застонал.

– Ничего не обещаю, договорились?

Анисья Игнатьевна сунула бумажку в карман его халата.

– Хоть ты и крутой чувак, – усмехнулась она, – а с бабой-ягой не сладишь. Сделай так, чтоб девушка не кашляла. – И старуха направила свои стопы к дантисту.

Антон беззлобно про себя выругался.

В своём кабинете он застал небритого пациента, жалующегося медсестре на расстройство мочевого пузыря. Надежда Фёдоровна вела с ним утешительную беседу, завершение которой Антон застал.

– …а после сорока многие мужчины вообще писают затруднённо. Гиподинамия и нерегулярная половая жизнь. – Медсестра бросила инквизиторский взор на вошедшего Антона. – Доктор вам подтвердит: с простатой шутки плохи.

Пациент потёр небритую щёку.

– Что же мне к проституткам ходить? При моей-то малахольной бабе…

– К проституткам направления не выдаём, – отрезала Надежда Фёдоровна без намёка на юмор. Лицо её под седеющим пробором горело миссионерским пылом. – Мы только рекомендуем, а выполнять наши рекомендации или нет – решайте сами. Антон Алексеевич, тут у мужчины проблемы…

– Уже понял. – Антон присел за свой стол, где лежала раскрытая амбулаторная карта. – Сейчас во всём разберёмся.

Антон осмотрел небритого страдальца, выслушал его заунывные жалобы и с чистой совестью направил больного к урологу, для облегчения выписав цистон в качестве мочегонного. Глядя вслед ушедшему пациенту, Надежда Фёдоровна солидно уточнила:

– Простата?

– Как в воду смотрели, – кивнул Антон.

И наступило короткое затишье. Короткое настолько, что Антон не успел даже очистить банан и вскрыть пакет с кефиром.

Очередной пациент, пришедший померить давление, прервал скромный обед врача. Это был хорошо знакомый гипотоник, директор детсада, у которого с утра, по его словам обнаружилась «фатальная слабость и головокружение отнюдь не от успехов». Давление и вправду оказалось пониженным, но в больничном пациент не нуждался: он лишь отлучился с работы в поликлинику и намеревался на работу вернуться. В ответ на предложение врача меньше есть и повысить хоть как-то физическую нагрузку директор детсада только рукой махнул, в смысле «где уж нам». Привычно усмирив благие свои порывы, Антон выписал ему апилак, и они расстались до следующего приступа «фатальной слабости».

– Ну что за люди! – нахмурилась медсестра, осуждая всех, кто к собственному здоровью относится наплевательски. – Для себя же пальцем не шевельнут! Думают, напичкался лекарством – и гуляй!

Антон распечатал наконец пакет с кефиром.

– А сами-то?

Надежда Фёдоровна ждала формулировки обвинения и, не дождавшись, что называется, полезла в берлогу к медведю:

– Что сама?

Вместо ответа Антон не спеша очистил банан и приложился к кефиру. Однако в дверях кабинета возникла старшая медсестра.

– Доктор Климов – к Брагину! – скомандовала она, шелестя накрахмаленным халатом. – Что-то вы, Антон Алексеевич, зачастили.

Надежда Фёдоровна осторожно полюбопытствовала:

– Зачем, Татьяна Олеговна? Не в курсе?

Старшая медсестра колыхнула сдобными телесами.

– В их интимные отношения меня не посвящают: я лишь курьер. Доктор Климов, прервите свой йоговский пир, торопитесь к шефу.

Антон откусил от банана и запил кефиром.

– Нравится мне ваш халат, Татьяна Олеговна, – сказал он. – Можно его потрогать?

Старшая медсестра глянула из-под ресниц.

– В каком месте?

– Вам решать. Давно хочу проверить, хрустит ли он под пальцами.

Татьяна Олеговна отступила в коридор.

– Смотря под чьими пальцами, доктор Климов. Не поперхнитесь молочно-кислым продуктом. – Дверь за ней закрылась.

Антон хмыкнул.

– Как тут не влюбиться!

Надежда Фёдоровна хмуро покачала головой.

– Антон Алексеевич, во что вы опять вляпались?

– Почему вляпался? Может, мне премию дадут. – Антон смял кефирный пакет и бросил в корзину для бумаг. – Сейчас выясним.

– Умерьте там свой гонор, – напутствовала медсестра.

– Буду ниже плинтуса, – пообещал Антон, выходя.

Пациенты в коридоре не толпились, то есть не было ни одного. Словно лимит на хворобы до понедельника был исчерпан. Антон прошагал к лестнице, взбежал на третий этаж и рванул на себя дверь завотделением.

Брагин, сидя на рабочем месте, покусывал зубочистку. Облик его, казалось, детально отшлифован был кинорежиссёром. Великоватый халат нелепо топорщился, галстук где-то сбоку, и проницательные глаза в красных прожилках – крупным планом – взирали на плакатного мужчину, демонстрирующего своё тело в разрезе. И – опять же крупным планом – морщины мыслителя на лбу, возросшем в результате облысения.

– Стучаться надо. – Завотделением фокусировал взор на зубочистке, торчавшей во рту.

Антон вернулся к двери, постучал и молча уселся на стул.

Брагин сломал зубочистку и отбросил. Судя по всему, он уже принял на грудь – голос его звучал хрипло, но язык пока не заплетался.

– Зачем вызвал, догадываешься?

Антон качнул головой.

– Ни сном ни духом.

Завотделением выдержал паузу, распрямил спину и вдруг улыбнулся.

– Плечо не болит. Спасибо.

– Скоро заболит опять, – заверил Антон. – И не только плечо.

– Все там будем, – парировал Брагин. – Разве что за исключением вас, просветлённых.

– Семён Петрович, вы мыслите, как дебил.

После короткой паузы завотделением устало произнёс:

– Дебил, не дебил – время рассудит. – Он придвинул к себе лист бумаги с рукописным текстом. – Валуева Нина Николаевна – диспетчер ДЭЗа. Знаешь такую?

– Продолжайте! – потребовал Антон.

– Что тут на хрен продолжать?! Она такой хай тут подняла…

– Пусть катится в жопу! Я заходил к ней дважды – дверь не открыли! Я позвонил в регистратуру, отметился! Можете проверить!

Завотделением неуклюже изобразил гнев.

– Ах, ты позвонил?! Медаль тебе за это повешу! А вот она, представь, утверждает, что от плохого самочувствия заснула и звонка в дверь не слышала. А ты, плачется она, не только

лишил её своевременной медицинской помощи, но не выдал ей к тому же и документ, подтверждающий её нетрудоспособность.

– Я ж её, подлюгу, на улице встретил…

– Ой, Антон, заткнись! За кого ты меня держишь? Думаешь, я поверил хоть слову этой суки? В Минздрав она пожалуется, лоханка дырявая! Но ты, Антон Алексеевич… Ты меня просто изумляешь. Жалко тебе выдать ей траханный больничный лист? Да пусть она трижды с ним усрётся, не то комиссии задолбают нас до посинения. Короче, так… Сегодня же пойди к ней, извинись и оформи больничный вчерашним числом, под мою ответственность. Сделаешь?

Антон встал со стула.

– Извиняться не буду.

Брагин с облегчением перевёл дух.

– Шут с тобой, не извиняйся. Но бюллетень оформи.

– Если дверь откроет. Ночевать там не собираюсь.

– Никто и не требует. Вот погоди, уйду на пенсию, оценишь тогда…

– Все там будем, – передразнил Антон. – Время рассудит.

Завотделением извлёк из ящика стола фляжку со стаканчиком.

– С понедельника. И ты оценишь, как я прикрывал твою одарённую задницу. – Сжав стаканчик в кулаке, он глотнул из фляжки. – Тебе не предлагаю, дабы не спровоцировать шквал нотаций.

Антон топтался у двери.

– Как это, с понедельника? Семён Петрович, вы пугаете или всерьёз?

– Или. Нынче утром в кабинете Шаповалова я встретился со своей преемницей официально. С характером дамочка. Погоди, она построит вас в шеренги и под бой барабанов погонит выполнять инструкции. Ладно, ступай: мне тут ещё прибраться надо.

Антон продолжал топтаться.

– Э-э… Семён Петрович… ничего изменить нельзя?

Брагин поправил съехавший галстук.

– Не нужно рыданий, Антон Алексеевич. Никто не окочурился, не потерял штаны в публичной библиотеке… – Он вытряхнул в рот последние капли из фляжки. – Ступай, говорю. Не то отправлю за бутылкой. – И бросил выходящему Антону вдогонку: – Про Валуеву не забудь! Выдай больничный этой прошмандовке!

Спускаясь по лестнице, Антон осмысливал ситуацию. Жаль расставаться с Брагиным, но куда деваться? Как тонко подметил Ибн Рошда: «Когда нет решения, нет и проблемы.» Часы показывали без десяти двенадцать, притом пациентов у кабинета и в кабинете не было.

Медсестра встретила Антона встревоженно, и Антон вкратце изложил ей суть конфликта.

– Пойду сейчас умасливать эту царевну-лебедь, – подытожил он в досаде.

– Кирпичом бы её по чайнику! – посочувствовала Надежда Фёдоровна. – Не берите в голову, Антон Алексеевич, чёрт с ней! Просто сделайте, как сказал Брагин.

Тут Антон сообщил ей, что с понедельника Брагина отправляют на покой. Известие это, однако, впечатления на медсестру не произвело.

– Ну и ладно, – отреагировала она, пряча дарёные тюльпаны в просторный пакет. – Отдохнёт на грядках, а мы отдохнём от него.

– Чем же он вас так утомил? – язвительно осведомился Антон.

Ответить медсестра не успела, ибо в кабинет впорхнула взбудораженная Зоя.

– А конфеты где? – полюбопытствовала она. – Без меня оприходовали?

Надежда Фёдоровна глянула исподлобья.

– Внуков решила побаловать. Возражения есть?

– Со внуками не конкурирую, – легко согласилась Зоя. – Куницын мой не пробегал?

Дверь распахнулась.

– Куницын твой, – передразнил сменщик Антона ехидным тенорком, – за тобой только и гоняется. Привет всем, кого не видел.

Зоя захлопала ресницами, изображая туповатую секретаршу.

– Ой, Вячеслав Иванович! С этой диспансеризацией у нас такая неразбериха…

Куницын перебил:

– Неразбериху эту зовут Зоя Гринько! – Тенорок его повысился на терцию, притом гладко зачёсанные волосы подчёркивали дряблость кожи. – Где данные по тестам на туберкулёз?! Во вторник я их видел, теперь не могу отыскать!

Зоя продолжала хлопать ресницами, но было заметно, что гнев начальства ей по барабану.

– Вячеслав Иванович, найду я ваших туберкулёзников. Но если будете так орать, я впаду в кому.

Сдержав смешок, Антон обратился к своей медсестре:

– Пойдёмте. Пора освободить коллегам помещение.

Надежда Фёдоровна проворно подхватила свои вещи.

– Ну да, мы ведь ещё вызовы не взяли…

Доктор Куницын указал на корзину для бумаг.

– Опять банановая кожура, кудесник биополя!

Антон похлопал его по плечу.

– Не ворчи, Славик. Скажи лучше, как там вчерашний твой пациент, которого в пот гонит? Иннокентий, кажется?

Куницын испустил вздох.

– Педик этот… Как он меня достал! Зря ты брякнул ему, что он не болен. Во-первых, из-за этого он плешь мне проел. Во-вторых, он болен реально. Дождусь результатов анализов, но и без них мне очевидно…

– Всё, молчу! – Антон поднял вверх руки. – Впредь не полезу! – Он повлёк Надежда Фёдоровну к выходу. – Пока, ребята. До понедельника.

Вслед ему Куницын бросил:

– Слыхал про Брагина? О том, что его на пенсию.

– Проинформирован, – отозвался Антон, и дверь за ним закрылась.

Доктор Куницын, мужчина средней упитанности, воззрился на свою медсестру.

– Ещё и не орать на тебя?

– Желательно, – подбоченилась Зоя. – Я и так работаю, как трактор.

– Трактор здесь неуместен. Не сменить ли тебе профессию?

– Только после вас.

– Может, прекратишь наконец ёрничать?

– Может, начнёте наконец приём? Там вас люди ждут.

Вячеслав Иванович грузно присел за стол.

– Чтоб тебя… Приглашай.

Зоя выглянула в коридор.

– Туберкулёзники есть? – И, перекрывая встревоженный гул, распорядилась: – Если нет, заходите по очереди!

Доктор Куницын тихо застонал. В глазах его, однако, мелькнуло нечто, похожее на улыбку.

Глава 8

Если вчера после полудня стояла теплынь, то сегодня было прямо-таки жарко. Будто Земля, притормозив, начала вращаться в обратную сторону, к лету. Расстегнув рубашку ещё на пуговицу и закатав рукава повыше, с сумкой на плече Антон шагал по своему участку. И конечно же, насвистывал «Сан-Луи блюз». В завершение рабочей недели вызова было два, плюс один и ещё один. Два – законные! – вызова поступили от старшеклассников: першение в горле, насморк, температура: типичные симптомы ОРЗ – в такую вот погоду! Плюс вызов – разумеется, липовый – к диспетчеру ДЭЗа Валуевой с целью выдачи ей, заднице с ушами, больничного листа, чтоб не скандалила. И последний вызов – вообще никак не оформленный – на чужой участок, по настойчивой, мягко сказать, просьбе, старушки Земновой, задолбавшей доктора-милягу пословицами-поговорками до такой степени, что он, олух небесный, взял адрес некой Валентины, которая, видите ли, кашляет. Такой вот получился расклад. И в такой именно последовательности намеревался терапевт Климов реализовать право граждан на бесплатное медобслуживание. И очевидно, воодушевлённый почётной своей миссией, участковый врач насвистывал и покачивал сумкой, входя в дом старшеклассницы Оли.

Беглого взгляда на завёрнутую в одеяло пигалицу Антону оказалось достаточно, чтобы определить: девчонка симулирует. Причём мамаша её, интеллигентная дама в очках, похоже, подозревала то же самое.

– Что у неё? – настороженно осведомилась она. – Жить будет?

Антон, присев на стул у кровати, достал фонендоскоп.

– Сейчас выясним.

Девчушка прямо-таки съёжилась. Старательно шмыгая носиком, она тёрла глаза, очевидно, чтобы те покраснели. Мать наблюдала за ней поверх очков.

– Ну! – потребовала она. – Поведай нам о своих недугах! Температура с утра была тридцать восемь и две. Не знаю, как она это делает.

Девчушка отчаянно пыталась спасти положение:

– Мам, ну правда… Першит в горле, дышать трудно…

– Насколько трудно? – съязвила мамаша.

Антон сделал строгое лицо.

– Поднимите верх пижамы, синьорина. – После того как школьница Оля, трепеща, подчинилась, он тщательно прослушал грудь её и спину. Затем с помощью чайной ложечки осмотрел гортань юной симулянтки, после чего объявил: – Острое респираторное заболевание. Режим постельный. Желательно, чай с мёдом или с малиновым вареньем. Справку для школы выпишу вам до среды.

Ошеломлённая пигалица, казалось, лишится чувств. Родительница её также пришла в смятение:

– Надо же, а я уж подумала… Температуры у неё, похоже, нет. Странно…

– Вирус такой сейчас гуляет. – Антон проворно выписывал справку. – Симптоматика – периодические скачки температуры.

На лице родительницы проступила тревога.

– Ну и… что вы рекомендуете?

– Проветрите комнату, наденьте марлевую повязку и ешьте лимоны. – Антон вручил школьнице вожделенную справку. – Поправляйтесь, мадемуазель.

– Спасибо, – потупилась девочка.

На втором вызове произошла примерно та же история, только в постели здесь отлёживался мальчик. Верней, юноша спортивной комплекции, которого пестовала бабушка, души не чаявшая в красавце-внуке и трепетно верившая в его болезнь. Сей отпрыск совестью

не мучился, но также побаивался врача и симптомы сочинил себе те же: насморк, першение в горле, температура. Вогнав юнца в панику скептической своей усмешкой, Антон, справедливости ради, выдал справку с диагнозом ОРЗ и ему. Выписывая эту справку, однако, он обратил внимание на то, что оба «заболевших» старшеклассника, девочка и мальчик, учатся не только в одной школе, но и в одном 10-м «Б». Когда бабушка отлучилась на кухню, Антон не сдержал любопытства:

– Что у вас там, контрольная по алгебре?

После короткого замешательства паренёк признался:

– По английскому. Англичанка у нас – просто засада. Спасайся кто может.

В сопровождении вернувшейся бабушки Антон направился к выходу, пожелав «пациенту» выздоравливать, и за спиной услыхал «спасибо». Уже второе «спасибо» подряд за укрывательство оболтусов от свирепой училки – вот она, великая награда медику.

Теперь Антон шагал к дому диспетчера ДЭЗа Валуевой, дабы авторитетом своей благородной профессии официально откосить чаровницу оную от трудовых тягот, может, дня на три или на недельку, чтоб не скандалила. Хрен с ней, убеждал себя Антон: она, по сути, такая же школьница, только тормознутая в развитии. С глаз долой – из сердца вон, как говорится.

Дверь открыли не сразу. Сперва послышались крадущиеся шаги, потом Антона, похоже, изучали через дверной «глазок», и наконец, осипший голос осведомился:

– Ты к кому?

– Врач, – отозвался Антон.

Щёлкнул замок, и на пороге возник субъект с волосами цвета ржавчины, в трениках и в майке с надписью на груди «love me со скрежетом». Взглядом обшмонав Антона с ног до головы, субъект чуть отступил.

– Ну чё, заходи, – дыхнул он водочным перегаром. – Нинон! Это к тебе, готовь чистые мензурки!

Антон вошёл, прикрыл дверь и застыл в ожидании. Мужик рыгнул, демонстрируя приветливость.

– Нинон! – повторил он свой зов. – Ты чё там, усралась?! – И обратился к Антону: – Тебе спирт ваще выдают?

– Бочками, – буркнул Антон. – Где тут тяжело больная?

– Нинка! – возопил мужик в третий раз. – Клиент нервничает!

Раздалось журчание воды в унитазе, дверь туалета отворилась, и в коридорчик едва не вывалилась диспетчер Валуева.

– За речью следи, Юрик! – изобразила она смущение. – Что люди о нас подумают?

Антон вздохнул.

– Ничего не подумают. Выпишут больничный и уйдут.

Юрик одобрительно почесал под мышкой. Диспетчер Валуева, однако, настроена была по-боевому и желала насладиться ситуацией.

– Ну чё, накрутили тебе хвост? – подмигнула она Антону. Физиономия её была красной как свёкла, и бигудёвые локоны промокли от пота. – А то, вишь, динамо прокрутить мне вздумал, докторишко! Ну, чё уставился?! Вперёд соображай, на кого прёшь, блин…

– Уже сообразил, – заверил Антон. – Благодарю за науку.

Мужик Юрик – то ли супруг, то ли бой-френд – обнажил в ухмылке золотой фикс.

– Всё пучком! Пошли, земеля, нажрёмся за тех кто в море!

Диспетчер Валуева сменила гнев на милость:

– Ладно уж, проходи, терапевт. Посидим, потолкуем – авось пригодимся друг дружку…

– Не пригодимся. – Антон распахнул входную дверь. – Поправляйтесь, девушка.

– Куда-а?! – взревела девушка. – А больничный?!

– Обломись! – Дверь за Антоном захлопнулась.

Диспетчер Валуева в обалдении воззрилась на своего сожителя.

– Юрик, он что, охренел?

Сожитель задумчиво почесал внутри пузырящихся штанов.

– Еврей, Нинон. Они кидалы прожжёные. Пошли хряпнем. – Откинув со лба прядь цвета ржавчины, он протопал на кухню, где на неприбранном столе оставалась ещё выпивка и закусь.

Диспетчер ДЭЗа проследовала туда же.

– Как это, еврей? – усомнилась она. – Фамилия Климов. И морда, вроде, не жидовская…

– Гусыня ты, Нинон. – Мужик протянул ей стопарик водки, и оба выпили, не чокаясь и не морщась. – Ни по фамилии, ни по морде их уже не распознаешь. Только по характеру. Понимэ?

Похрустев солёным огурцом, диспетчер Валуева отмахнулась.

– Херню мелешь: не еврей он. Но я с ним разберусь по полной программе. Наливай, не ссы.

Сожитель прожевал шпротину и, задрав на себе майку, обтёр губы о надпись «love me со скрежетом». После чего, разумеется, налил, как велено.

Глава 9

Выходя из подъезда, Антон не костерил мысленно ни себя, ни Брагина, ни диспетчера Валуеву. Йоговский тренинг диктовал правильное решение: «Больше никогда и ни при каких обстоятельствах.» Солнце ещё грело, птицы щебетали, только вот насвистывать «Сан-Луи блюз» напрочь расхотелось.

Оставался последний вызов, неофициальный, по наводке старушки Анисьи Игнатьевны. Антон сверился с клочком бумаги, засунутым в карман его халата: Валентина Кулябова, и внизу адрес. Вряд ли эта Кулябова станет клянчить больничный – скорее, по догадке Антона, здесь намечалось нечто романтическое. Ладно, до участка доктора Блумберг было, в общем-то, рукой подать. Антон бодро перешёл улицу.

Адрес он отыскал без труда, на кнопках домофона «сыграл» номер квартиры и в ответ на невнятный голос отчётливо представился. Дверь подъезда открылась. Антон поднялся в лифте на указанный этаж и позвонил в дверь квартиры.

Отворили ему немедленно. За дверью оказалась молодая блондинка, одетая и причёсанная так, будто собралась в театр. Волосы слегка завиты, неброский макияж, чёрное платье без рукавов, обтягивающее стройную фигуру и доходящее до колен. Ноги, обутые в чёрные туфли на каблучке, тоже в полном порядке. Серые глаза из-под аккуратной чёлки, похоже, точно так же оценивали Антона, затем губы, слегка подкрашенные, изогнулись в улыбке.

– Прошу, Антон Алексеевич. Рада познакомиться.

С ответной улыбкой Антон уточнил:

– Вы, значит, Валентина? Ваше отчество, извините, у меня не записано.

Девушка тряхнула волосами, и в ушах у неё блеснули серёжки.

– Можно просто Валя, без отчества. Заходите, а то соседи сбегутся. – Впустив Антона в чистенькую прихожую и закрыв дверь, она деловито спросила: – Тапочки выдать?

Антон помедлил с ответом.

– Если я понял правильно, у нас тут клуб знакомств. Так?

Валентина глянула из-под ресниц.

– Вас это шокирует?

– Скорее, забавляет. Анисья Игнатьевна уверяла, будто вам нужна экстренная медицинская помощь.

– Ах, обманщица! Как же нам быть?

– Покашляйте для приличия.

– Кхе, кхе! Годится?

– Сойдёт. Давайте тапочки.

Оба рассмеялись. Валентина повесила в шкаф сумку Антона и, когда он переобулся, проводила доктора в ванную для мытья рук и всего прочего. Затем хозяйка показала гостю ухоженную квартиру, состоящую из двух небольших комнат, одна из которых, меньшая, принадлежала пятилетнему Валиному сыну, а другую – соответственно, занимала она сама. На стене в этой комнате висела клетка с волнистым попугайчиком.

Демонстрация апартаментов проведена была с изяществом, и поскольку в комнате Валентины стола не было, девушка предложила:

– Если не возражаете, Антон Алексеевич, принимать вас я буду на кухне?

Антон нахмурил брови.

– Разумеется. И хватит величать меня по отчеству: как выяснилось, я не ваш доктор.

Валентина повела оголённым плечом.

– Мне нравится называть вас по отчеству. И веснушки у вас потрясные и… ладно, пойдём на кухню.

– Минутку. – Антон указал на попугайчика в клетке. – Как его зовут?

Валентина фыркнула.

– Никак. Это никчемная птица, вертлявая и тупая.

– Сами вы никчемная. – Антон подошёл к клетке. – Сейчас проверим, кто здесь тупой. – Он приблизил к прутьям лицо. – Привет, Амиго! Амиго – твоё имя, запомни.

Попугайчик, до сего момента скакавший произвольно, замер вдруг на жёрдочке, будто прислушиваясь.

– Привет, Амиго, – повторил Антон, и птичка развернулась в его сторону, склонив головку набок и как бы прикидывая, стоит ли доверять этому типу. —Меня зовут Антошка, – представился Антон, – повторить сможешь? Ан-тош-ка.

Повторить попугайчик не пытался, но подскакал поближе, вскарабкался по прутьям клетки и потыкался клювиком в нос Антона. Затем вспорхнул на жёрдочку и, прихорашиваясь, принялся чистить пёрышки.

– Обалдеть! – восхитилась Валентина. – Вы прямо птичий дрессировщик.

Антон шагнул от клетки.

– Теперь, Амиго, мы друзья, – уверил он попугайчика. – А хозяйка твоя – никчемная птица.

Валентина вздохнула:

– Могу и обидеться.

– На что? – улыбнулся Антон. – Я же не сказал «вертлявая и тупая».

Девушка рассмеялась.

– И на том спасибо. Пойдём-ка перекусим.

Стол на кухне, что называется, ломился от яств. От баклажанов, тушёных с грибами, и буженины, запечённой в тесте, до перепелиных яиц, фаршированных красной икрой. Украшали стол белые розы в хрустальной вазе, подле которой в почётном карауле стояли бутылки с коньяком, с вином и со свежевыжатым апельсиновым соком. Притом в холодильнике морозилось ещё и шампанское. Перехватив изумлённый взгляд гостя, хозяйка не без гордости пояснила:

– Я старший менеджер в сети «Перекрёсток». Имею некоторые возможности.

Что за «возможности» Антон уточнять не стал, лишь полюбопытствовал:

– Куда бы вы всё это дели, если б я не пришёл?

– Как это, вы бы не пришли? – Девушка мастерски сдула чёлку со лба, после чего чёлка, разумеется, вернулась на прежнее место. – Мне рекомендовали вас, Антон Алексеевич, как очень обязательного мальчика. Неужели это чистый пиар?

– Ну допустим, упал бы я по пути к вам и сломал бы ногу?

Из комнаты донеслись телефонные трели, Валентина бочком двинулась на звук.

– Тогда бы, Антон Алексеевич, – промурлыкала она, – всем этим я кормила бы вас в больнице, чтобы нога срослась быстрее. – Она метнулась к телефонной трубке.

Взъерошив свои кудри пятернёй, Антон благопристойно присел на табурет подальше от стола. Чувствовал он себя, мягко сказать, странно.

Меж тем голос Валентины, доносящийся из комнаты, заметно утратил приветливость. «Мам, что за претензии?! Мы же, чёрт возьми, договорились!.. Можешь успокоиться? Ты сама упрашивала оставить его на выходные! Память отшибло?!..» В таком духе разговор продолжался минут пять, затем, судя по всему, вопрос был улажен, и Валентина простилась с матерью как бы с теплотой душевной.

– Извините, дела семейные, – посетовала она, возвратившись. Повеяло духами, очевидно, свежепобрызганными. Пахло приятно. – Почему вы не за столом? Придвигайтесь и налетайте.

Антон придвинулся.

– Меня впечатлил ваш кулинарный размах, Валя. Но, с вашего позволения, съем я немного сыра с овощами и выпью, пожалуй, стакан сока.

– Шутите?

– Над чем угодно, только не над желудком.

Валентина слегка растерялась.

– Антон Алексеевич, я не призываю вас всё это, пардон, сожрать. Но попробовать-то понемножку можете?

Антон качнул головой.

– Не интересно. – Он положил себе четыре ломтика сыра, пяток маслин и ложку помидорного салата. – Присаживайтесь, Валя. Ни в чём себе не отказывайте.

Девушка села за стол, пытаясь осмыслить происходящее.

– Вы что же, не едите мяса и спиртного не пьёте?

– Немного ем на ужин и бокал красного вина выпиваю. А сейчас, – Антон взглянул на часы, – половина третьего, не время тó есть. Что вам положить?

– Спасибо, я сама.

– Не стесняйтесь. Может, сока?

– Нет уж, предпочту шампанское. – С каменным лицом Валентина извлекла из холодильника бутылку «Абрау-Дюрсо» и с ехидцей прибавила: – Если, конечно, вам не претит находиться рядом с пьющей бабой.

Антон протянул руку.

– Дайте-ка открою. – Приняв у девушки бутылку, он проворно, с негромким хлопком, её откупорил. – Предлагаю, Валя, вам простое правило: пусть каждый из нас ест-пьёт что хочет. Мы же не создадим друг другу проблем, правда?

Валентина тряхнула волосами.

– Наливайте.

Антон наполнил её бокал, затем налил себе апельсинового сока. Они чокнулись.

– Без обид? – улыбнулся Антон.

– За знакомство! – Девушка залпом осушила бокал. – До чего вкусно! Ещё! – Второй бокал она отпила до половины. – Не осуждаете, Антон Алексеевич?

– На здоровье. – Антон пил сок мелкими глотками. – Если уж мы с вами так замечательно пьянствуем, может, обойдёмся всё же без отчеств?

– Рано ещё, – хихикнула Валентина. Положив себе на тарелку того-сего, она ела с отменным аппетитом.

Антон также на отсутствие аппетита не жаловался: сыр и маслины он, можно сказать смаковал. Повисло молчание, во время которого девушка из-под чёлки поглядывала на доктора.

– Элегантно едите, Антон Алексеевич, – заметила она. – Смотреть приятно.

Антон изобразил поклон: рад, мол, стараться. И Валентина продолжила:

– Прокормить вас, должно быть, нетрудно.

– Ошибаетесь. Я привередлив и капризен.

– Так я и поверила.

– Моё дело – предупредить.

Валентина рассмеялась.

– Наливайте! – И, видя, что Антон колеблется, пообещала: – Со мной у вас проблем не будет.

– Так я и поверил. – Антон налил ей шампанское.

Хихикнув, девушка хлебнула из бокала и молитвенно сложила ладони.

– Антон Алексеевич, ну пожалуйста, – язык её слегка заплетался, – съешьте хоть что-нибудь! Хоть икорочки!

– Вы будете смеяться, Валя, но я объелся. – Поскольку она действительно засмеялась, Антон сложил ладони тем же способом. – Валя, ну пожалуйста, расскажите хоть что-то о себе. А то ведь, сколько уж мы вместе пьянствуем, а вы для меня всё ещё незнакомка.

Смех девушки смолк, в глазах её появилась грустинка.

– Ой, что обо мне рассказывать? Хоть бы капля интересного… – Пальцами вертя недопитый бокал, она смотрела сквозь него, будто сквозь гадательный шар. – Замуж выскочила в девятнадцать, кретинка. По великой любви, как я полагала. С родителями разругалась в дым: мой Виталик им сразу не глянулся. Отец пилил меня за то, что гроблю с этим жлобом свой талант… Рисовала я неплохо, мечтала стать дизайнером по интерьерам… Не верите, Антон Алексеевич? У меня даже рисунки где-то завалялись. – Она глотнула шампанского, на сей раз чуть-чуть. – Любовь продлилась около года. Зарабатывал Виталик прилично, в парфюмерном бизнесе. Детей заводить не желал, зато любовниц заводил без счёта. И жена-домохозяйка вполне ему годилась. Для респектабельности, по голливудскому образцу… Перестаньте так на меня смотреть!

– Как «так»?

– Словно меня жалеете.

– С чего бы мне вас жалеть?

– Вот и я думаю. Но глаза ваши смотрят именно так, и ничего поделать с этим вы не можете. – Осушив бокал, Валентина со звоном поставила его на тарелку. – В двадцать два я нечаянно залетела, притом от аборта отказалась категорически. Виталик на стенку лез: не ждал он от меня такой упёртости. Не успел Игорёк родиться, как я обрела статус матери-одиночки. После развода, какое-то время, бывший муж помогал деньгами, потом исчез бесследно. Хорошо, хоть халупу эту нам оставил… Расслабьтесь, Антон Алексеевич, либо вы отвернётесь, либо я сейчас разревусь. – Плеснув себе шампанского, Валентина выпила. – Всё, конец истории! Не слышу аплодисментов!

После короткого молчания Антон попросил:

– Можно посмотреть ваши рисунки? Те, которые «где-то завалялись».

Валентина тряхнула волосами.

– Запросто. Но сперва, Антон Алексеевич, должна вам признаться… – Она порхнула к Антону на колени и обняла его за шею. – Иногда я бываю нахальной. Прошу извинить. – Она поцеловала его в губы жарко и требовательно. Затем, отстранившись, заглянула в глаза. – Вот так я перехожу на «ты». Если не возражаешь. – Она вновь отыскала его губы.

Антон ответил на поцелуй. Валентина, запустив пальцы в его волосы, застонала. Антон отстранился.

– Стоп. Ты рисунки обещала.

Грудь Валентины вздымалась, взгляд блуждал. Собравшись наконец с мыслями, она соскользнула с Антоновых колен.

– Ох, зануда. – Она устремилась к двери. – Момент, доктор.

Отсутствовала она отнюдь не момент. Вошла, держа в руке два листа формата А4.

– Вот, смотри. Не смейся только.

Антон бережно принял листы. На одном – гуашью изображена была гостиная – с камином, светильником и прочими атрибутами. На другом – сиреневый куст, клонящийся над детской коляской. Обе работы, безусловно, ученические, но для молоденькой девчонки… чем чёрт не шутит.

– Ещё рисунки есть? – спросил Антон.

Валентина оперлась на его плечо.

– Поискать придётся. – Она повлекла его с кухни.

В комнате, как оказалось, кое-что изменилось: диван был разложен и покрыт постелью. Валентина тотчас принялась Антона целовать, тесня к дивану. Сопротивлялся Антон не слишком, но из вредности напомнил:

– А рисунки?

Валентина, задыхаясь, едва не порвала пуговицы на его рубашке.

– Заткнись. Потом.

Антон упрекнул:

– А говорила, проблем с тобой не будет.

Валентина сбросила платье.

– В подобных случаях, доктор, проблемы бывают только у мужиков.

– Воистину так, – подтвердил Антон, и они рухнули в постель.

Тело женщины оказалось более сдобным, чем выглядело. Валентина, что называется, пылала жаром. Неистово реагируя на ласки Антона, женщина извивалась в стремлении вобрать его в себя. Очевидно, секса у неё не было давно. Не склонный обычно к поспешности, Антон ответил на её мольбу, и, благодарно нанизавшись, Валентина стремительно достигла оргазма. Партнёр её, однако, взял лишь старт и передышки ей не подарил. Энергично двигаясь, Антон наращивал темп. И Валентина, опомниться не успев, опять испытала оргазм, более острый и длительный. Она ошеломлённо комкала простыню:

«Господи… Господи… Господи…» Но и на сей раз Антон не позволил ей успокоиться на достигнутом, ибо его возбуждение, скованное самоконтролем продолжало возрастать. Валентина стала помогать ему, старательно двигая бёдрами в такт, и в результате своих стараний достигла оргазма в третий раз. В сладостном изнеможении она раскинулась на постели, Антон, однако, не унимался, распаляясь всё больше. Валентина сперва ёрзала, демонстрируя своё соучастие, но затем, когда марафон этот длился уже чёрт знает сколько времени, буквально взмолилась:

– Кончай в меня, лапуль… сегодня можно…

– Как скажешь, – хрипло отозвался Антон. И действительно кончил минут через десять.

Потом они лежали, отбросив одеяло и глядя в пространство.

– Ты был женат? – поинтересовалась Валентина.

– Нет.

– Почему?

– Сама видишь, какие у меня проблемы.

Валентина, хихикая, принялась его щипать:

– Хвастун!.. Хвастун!..

Из кармана Антоновых брюк зазвонил мобильник. Валентина предложила не отвечать и послать всех на хрен. Антон не послушался. Подняв брюки с пола, он извлёк из кармана телефон. Звонил Гриша Инин.

– Встречаемся вечером? – осведомился он.

– Спрашиваешь! – Веснушки Антона расплылись в улыбке. – Около восьми, годится?

– Вполне. Вставлю клизму твоим теориям, готовься. – Гриша отсоединился.

Антон стал одеваться.

– Друг, – пояснил он. – Пора идти.

Удерживать его у Валентины не было ни малейших сил. Накинув халат, она проводила Антона в прихожую, где они обменялись номерами телефонов. Антон чмокнул девушку в щёку и ушёл.

Валентина, томно потянувшись, проследовала в комнату к попугайчику.

– Привет, Амиго, – зевнула она. Попугай не обратил на неё внимания, и Валентина поджала губы. – Никчемная ты птица.

Сбросив халат, она юркнула в растерзанную постель.

Глава 10

Гриша Инин явился без опоздания. До прихода его, однако, Антон успел проделать йоговские упражнения, принять контрастный душ и нарезать овощной салат. Вошёл Гриша с фирменной своей усмешечкой, вспыхивающей в серо-зелёных глазах и по впалым щекам стекающей в уголки губ.

– Пышет здоровьем, контролирует кишечник и презирает дряблое человечество. – Он вручил Антону бутылку «Мерло». – Пьём это или брезгуем?

Антон улыбнулся.

– Пьём, не сомневайся. Одеться потеплее не мог?

Гриша неторопливо повесил на крючок ветровку, под которой оказался вязаный свитер, и бросил взгляд на друга, одетого в шорты и маечку.

– Как ты, что ли, демонстрировать морозостойкость?

– Восемнадцать градусов, жопа! – Антон метнул на пол тапочки. – Ты хоть душ контрастный принимаешь?

Долговязый Инин согнулся в процессе переобувания, и на вихрастом его затылке обозначилась зачёсанная плешь.

– Восемнадцать градусов было днём, это во-первых, – парировал он. – Во-вторых, контрастный душ я принимаю по настроению, в минуты отчаяния и скорби. В-третьих, я не твой адепт, я сторонний наблюдатель. Если ты, жопа, хочешь поддержать мой к себе интерес, научись своим биополем двигать не жалкие бумажки, а посуду, мебель и, желательно, городской транспорт. Внятно излагаю?

Антон зааплодировал.

– Словно песню поёшь.

– И ещё. – Гриша распрямился, переобувшись. – Ты обязан отвечать на любые мои вопросы, вплоть до интимных… С чего, интересно, я так расчирикался, не знаешь?

– Тоже мне секрет! – фыркнул Антон. – Голова у тебя побаливает, златоуст, и давление подскочило. Собачился с кем-то?

Гриша застыл на мгновение, затем они прошли в комнату.

– Не то, чтоб собачился, но… голова, действительно, как-то…

Антон подтолкнул его к зеленеющему на подоконнике можжевельнику.

– Поздоровайся, невежа.

Кося на друга ироничным глазом, Григорий выполнил ритуал.

– Здравствуй, Джеймс! – поклонился он. – Чем ты его кормишь, Тоня? Он растёт как на дрожжах.

– Подойди к нему, – распорядился Антон, – обними горшок, лицом прижмись к веткам. Не рассуждай.

Гриша взглянул недоверчиво.

– И голова пройдёт?

– Проверь. Что тебе стоит?

Помедлив, Григорий сделал, как было велено. Поза его, обнимающего цветочный горшок, выглядела смешной до нелепости.

– Колется, стервец, – пожаловался он.

– Замри вот так, пока я ужин приготовлю. – Антон отправился на кухню.

Гриша Инин продолжал прижимать щёку к можжевеловым колючкам. Тишина, повисшая в квартире, словно полог, подрагивала от возгласов мальчишек, гоняющих под окном мяч.

На кухне Антон сбрызнул салат лимонным соком, а размороженные куриные грудки поставил в микроволновку. Затем откупорил вино, смолол кофе и накрыл на стол. Вошедший

Григорий – с порозовевшим лицом и усмешечкой, скрывающей смятение, – иронично произнёс:

– Думаешь, твой Джеймс меня вылечил?

Антон пожал плечами.

– Не знаю. Тебе видней.

– Голова у меня почти не болела, – с вызовом заявил Инин. – Притом я грамотно сконцентрировался…

– Молодец. В чём проблема? – Антон выложил на стол бумажные салфетки. – Больше не болит – и ладно.

Гриша примостился на подоконнике, покачивая ногой.

– Я в том смысле, что не вкручивай мне про свою Экосистему: не убедительно.

– Как скажешь.

– Не ускользай от полемики, гуру светозарный.

– Сядь за стол, Гриня. Не хочу говорить с тобой о заветном.

– А придётся. В этом долг твой перед Космосом, не так ли?

– Уймись, Инин. Жрать охота.

Григорий слез с подоконника, присел к столу и, как примерный ученик, сложил руки на коленях.

– Жри. А мне подай пищу духовную.

Прыснув, Антон положил на тарелки, ему и себе, по куриной грудке.

– Твой ИМЛИ не прикрыли, случаем? – полюбопытствовал он. – А то в Космосе, знаешь ли, беспокоятся.

– Держимся, коптим небо. – Гриша налил вино в бокалы. – И предвосхищу следующий твой вопрос. Ещё года полтора буду я готовить к переизданию письма Шолохова. При таких темпах, сам понимаешь… Побольше салата клади, духовный лидер, не стесняйся. Сам понимаешь, у меня навалом времени на то, чтобы следить за развитием Божественной твоей Сущности. Ну-ка, ещё раз про всеобъемлющую Экосистему. Повторим пройденное.

Антон вздохнул.

– Ты гоблин, Гриня. Мне грустно и одиноко.

– А ты не воспаряй, Тоня, столь высоко, – парировал Инин, – не то головка закружится. Лэ хаим!

Они чокнулись, пригубили из бокалов и принялись за ужин. Антон ел неторопливо – можно сказать, задумчиво. Гриша поглощал пищу заметно быстрее, запивал вином и колко поглядывал на друга.

– Ну?! – подзадорил он наконец.

– Это «Мерло», по-моему, – отозвался Антон, – слегка отдает пробкой. Не ощущаешь?

Григорий отмахнулся.

– Вино как вино. Ладно, похоже, твой можжевельник и вправду меня подлечил…

– Надо же! – хмыкнул Антон. – Не замешана ли тут магия?

Инин вскинул руку.

– Спокуха. Твоя теория Экосистемы, в принципе, меня привлекает…

– Я польщён, благодетель. Сколько уже лет мусолим…

– Повторяю концепцию, как я её понял. – Гриша стал вдруг серьёзен. – Человечество, по-твоему, в основной своей массе состоит из гоблинов…

– Таких, как ты.

– …и структура его, человечества, развивается за счёт ущербного усложнения социума. Никаких перспектив в подобном развитии доктор Климов не зрит.

– Глядя вокруг и в даль.

– То есть он, доктор Климов, зорко смотрит вокруг и в даль, и в прозорливом уме его рождается проект создания…

– Взращивания.

– …извиняюсь, взращивания Экосистемы, которая начитается с можжевельника Джеймса и теряется в просторах Вселенной.

– Дурак, сама Вселенная с момента Большого Взрыва развивается в Экосистему.

– Ну разумеется, как же иначе. Притом с твоей, разумеется, помощью.

– Ну да, поскольку ты помогать ей не желаешь.

– Силы мои скромны. Итак, в Экосистему доктора Климова, помимо его самого, входят растения, животные и косная материя, и… ах да, ещё другие, кроме Климова, долгожители, которым силой воли удалось отключить программу умирания, заложенную в генетическом коде. Для развития супер-Экосистемы личный опыт долгожителей и само их существование неизмеримо важней, чем любые современные способы передачи и хранения информации. Ничего не упустил?

Антон тщательно прожевал ломтик куриного мяса.

– Неужели, Инин, я кажусь тебе таким придурком?

Серо-зелёные глаза Григория лучились теплотой.

– Ты и есть придурок, не кажешься. Но вопрос в другом: чем тебя не устраивает книга Леонида Белякова о Сознательной Эволюции?.. Что ты рожу кривишь?

Антон тихо застонал.

– Грин, сколько можно? Ты плешь проел мне со своим Беляковым! От беспробудного пьянства чувак этот пришёл к просветлению, в результате которого, как припадочный, накатил на все науки – от микробиологии до квантовой механики…

– Ведь и ты накатываешь, – ввернул Инин.

– Я – лишь на медицину. К тому же я хорошо владею предметом и, заметь, ничего не проповедую. – Антон глотнул вина. – А этот «интегральный йог» извертелся весь от миссионерского зуда. Только он, Беляков, да пара-тройка наставников, типа Иисуса, Будды и Лао-цзы, знают, куда нам воротить рыло…

Гриша звякнул вилкой по тарелке.

– Ну-ка, ша! – На губах его заиграла фирменная усмешечка. – Чем тебя не устраивают его «сем шагов до бессмертия?» По каждому шагу, конкретно, можешь?

– Легко. Если напомнишь, о чём там речь.

– Легко. – Григорий плеснул себе ещё вина. – Шаг первый: выбор пути. Осознав несовершенство своего бытия и человечества в целом, ты выбираешь Путь Сознательной Эволюции. Как прокомментируешь?

– Насчёт осознания несовершенства – вопросов нет. – Отодвинув тарелку, Антон опёрся локтем о стол. – Но Путь я не выбираю, а скорее, нащупываю в потёмках. Белякову, само собой, нащупывать нечего: встал на лыжню и погнал.

Григорий хмыкнул.

– Допустим. Шаг второй: пробуждение сознания. Установление контакта с энергией пространства.

– С логикой у него облом, – прокомментировал Антон. – Сперва он «осознаёт несовершенство», потом «выбирает Путь» и лишь затем «пробуждает сознание». Смех да и только. Но отдельные приёмы по наращиванию энергетики организма я у него перенял. Пользуюсь с благодарностью.

Инин кивнул.

– Хоть что-то. Шаг третий: выход в нирвану. Ладно, это проехали. В нирвану ты не хочешь, но расслабляешься в «околонирванном состоянии»: тепло в затылке, звон в ушах и прочее. В этом я тоже тренируюсь.

– Врёшь, но слышать приятно.

– Сам врёшь. Шаг четвёртый: контакт с Божественным. Полная сдача себя в руки Всевышнего. Стоит ли напоминать, что Божественное он трактует весьма широко?

– И глубоко, – фыркнул Антон. – Даже если допустить, что «руки» Всевышнего он понимает фигурально, возникает всё же вопрос: на хрена Всевышнему чувак Беляев? Как, впрочем, и другие, жаждущие слияния в экстазе. Притом у пострела нашего, помнится, в этом пункте поставлена и противоположная задачка – «не потеряться в океане Всеобщего Сознания». Каково?

– Что здесь не так?

– По-моему, Космос – развивающаяся Экосистема, а не вселенский бордель, где «просветлённые сознания» обслуживаются вне очереди.

– Модель, альтернативную твоей, ты допускаешь?

– Сколько угодно, лишь бы в компот мой не плевали. Шагай дальше, Инин.

Гриша глотнул ещё вина.

– Шаг пятый: духовное рождение. Раскрытие психического существа, обретение внутреннего Учителя и первичное разрушение структуры «эго»… Так, почему тебя опять корёжит?

Антон испустил вздох.

– Да потому что «внутреннего Учителя» я обрёл уже на первом шаге. Притом структуру своего «эго» я намереваюсь не разрушать, а развивать. Беляев будто в коммуну меня вербует. Продолжай.

Григорий потёр переносицу.

– Тут, пожалуй, мы с тобой совпадаем. Шаг шестой…

Из комнаты донеслась телефонная трель. Разведя руками, Антон прервал беседу.

Звонила матушка.

– Завтра в три, ладно? – Голос её звучал просительно.

– Объявилась твоя Оксана, – догадался Антон. – Блудная невеста пала на колени.

– Тонька, не язви. Она извинилась и всё объяснила…

– Избавь от подробностей, мам. Не интересно.

Галина Павловна примолкла, подыскивая аргументы.

– Ведь ты мне обещал: в последний раз.

– Последний раз был вчера.

– Вчера была осечка. Тоня, так не честно. Неужели всякий раз…

– Ладно, в три так в три.

– …я должна умолять тебя… Что? Ты согласен?

Антон вдохнул и медленно выдохнул.

– В последний раз. Держи слово.

– Клянусь тебе! – растрогалась мать и положила трубку.

Антон вернулся на кухню.

Инин смотрел насмешливо.

– Похоже, мама твоя не теряет надежд? Везёт тебе.

– Завтра иду знакомиться по второму заходу, поскольку вчера карты легли неудачно.

– Давай подробности, – потребовал Гриша.

Антон показал ему кукиш.

– Вот это видел? Могу поднести ближе к носу.

– Скверный ты мальчик, Тоня. Замкнутый и необщительный

– Угу, ты ещё мне будешь на мозги капать. Мало мне родителей.

Григорий скорчил шутовскую гримасу.

– Ой, щас разрыдаюсь! – На тарелку себе он положил вторую куриную грудку. Салатом Гриша пренебрёг. – Итак, продолжим. Шаг шестой: окончательное растворение менталь-

ного и витального «эго». Глобализация индивидуального сознания. Здесь Беляев утверждает, что «психическое существо» как представитель «Сознания-Истины» не способно ошибаться и молниеносно фиксирует все неверные движения «эго». Что скажешь?

– Меня изумляет, Инин, неугасимое твоё усердие отличника. Надо ж было вызубрить сии пассажи!

– Можно без грязи? Давай по существу.

– Гринь, я в это просто не врубаюсь. Что такое, без понтов, «Сознание-Истина»? Что означают неверные движения «эго», если оно, «эго», готовится к закланию? Глобализировал ли своё сознание сам Беляков? Если да – какие, конкретно, у него передо мной преимущества? Если пока нет – откуда он взял семь этих шагов, выверенных, как железнодорожное расписание?

– Ты сам-то откуда берёшь свои теории? Об Экосистеме, скажем, – вяло парировал Гриша.

Антон встал и насыпал молотый кофе в турку.

– Во-первых, Инин, у меня не теория, а всего лишь мироощущение. Я делаю лишь разведывательные шаги, притом каждое мелкое моё открытие проверено на мне самом. За пятнадцать лет, к примеру, я усилил своё биополе настолько, что могу руками двигать бумажки, находясь от них на расстоянии от метра до полутора…

– Продемонстрируешь, кстати?

– Не сегодня. Ты знаешь: я не треплюсь. С таким биополем, Инин, я способен лечить практически без лекарств. Разумеется, я пытаюсь проанализировать и обобщить свой опыт, но… Гринь, я чётко сознаю, что на пути этом являюсь пока жалким приготовишкой. И уж конечно, это во-вторых, ничего не проповедую, не вербую себе рекрутов…

– …и на ужин съедаешь, – продолжил Григорий, – одну куриную грудку с салатом, выпиваешь один бокал вина и одну чашечку кофе. Аминь.

– Притом кофе я готовлю превосходный. – Антон поставил турку на огонь.

– Тут не спорю. – Инин хотел было плеснуть себе ещё «Мерло», но воздержался. – Вернёмся, однако, к Беляеву. Шаг седьмой, последний: бессмертие. Как там у него?.. «Формирование нового, супраментального, тонкого тела».

Антон аж притопнул.

– Всё, Гриня, сил больше нет!

– В таком случае, позволь процитировать тебя. – Гриша наморщил лоб. – «Бессмертие – не цель, а средство для достижения цели, великой настолько, что для движения к ней бессмертие – простая необходимость.» Ну как, близко к тексту?

Антон кивнул.

– Слово «бессмертие» лучше заменить на «долгую жизнь». Достаточно долгую для выполнения тобой намеченного. И два ключевых понятия у меня – обучение и развитие. Кроме того, в отличие от господина Беляева, я подразумеваю обычное человеческое тело, а не супраментальное, мать его.

Гриша хохотнул.

– Вижу, взъелся ты на дядю. С чего бы?

– Сознательная Эволюция, о которой он толкует, представляется ему пропуском в элитарный клуб. Причём сей миляга приглашает всех желающих – от нервических домохозяек и алкашей, до продвинутых филологов, вроде Гришки Инина. Ребята, глаголет автор книги, на фиг вам рай, Олимп и валгалла – айда к нам, супраментальщикам: у нас тусовка круче!

«Продвинутый филолог» Инин, посмеиваясь, подзуживал терапевта Климова на откровения. Разговор их был нескончаем, к тому же начался со школьной скамьи. Они выпили кофе, помыли посуду, и около полуночи Антон проводил Григория до двери, передав, как водится, привет семье.

Стоило Грише ступить за порог, как перед ним возникла огромная немецкая овчарка. За поводок её держал парняга богатырского облика. Гриша отпрянул. Стоящий в дверях Антон и хозяин овчарки обменялись приветствиями.

– Степанида, – сказал Антон собаке, норовящей его облизать, – ну-ка, сядь! Не до нежностей. – Когда овчарка села, колотя хвостом о кафель пола, Антон обратился к её хозяину: – Сева, этого чувака не ешьте. Он ядовитый.

Сева глянул на Инина сверху вниз.

– О'кей, учтём.

– Тогда, – зевнул Антон, – не забудьте перед сном почистить зубы. – И дверь за ним затворилась.

Подошёл вызванный лифт, и Сева, пропустив Гришу вперёд, потянул за поводок:

– Давай, Альма, погнали.

Оторвав наконец взор от квартиры Антона, собака вошла в лифт также. Двери закрылись, лифт поехал вниз. Григорий полюбопытствовал:

– Так она Альма или Степанида?

– Альма Степановна, – нашёлся Сева. – Давно с Антохой знакомы?

– С детсада.

– Всё ясно, – глубокомысленно пробасил богатырь.

Что именно ему ясно, Инин уточнять не стал: лифт открылся, они вышли из подъезда и вежливо разошлись в разные стороны.

Глава 11

В субботу Антон Климов без зазрения совести проспал до десяти утра, намереваясь соблюсти такой режим и в воскресенье. Очередное дежурство в поликлинике у него состоялось уже в прошлый уик-энд и в ближайшие две недели, по крайней мере, ему не грозило. Утренней гимнастики, однако, никто не отменял, и выспавшийся Антон проделал её так, словно песню спел. Прыжки его и кульбиты были столь энергичны, что, казалось, они угрожали безопасности соседей снизу и сверху. Затем в обычном порядке последовали контрастный душ, бритьё и гречка с овощами. А затем – задачки по теории вероятности и погружение в космологию.

Время летело, как всегда, незаметно. С теорией вероятностей на любительском уровне Антон, в принципе, уже разобрался. С завтрашнего дня он планировал перейти к изучению теории множеств. А вот космология… космология Антона завораживала. «Фоновое излучение, – читал он, – несёт в себе информацию о Вселенной в целом. Если бы известна была его природа, можно было бы установить, какая из космологических моделей наилучшим образом описывает крупномасштабную структуру Вселенной…»

Прервав чтение, Антон задумался. «А если, – предположил он, – структура Вселенной не определена однозначно? Если структура эта комплементарна развивающейся Экосистеме? Притом сама Экосистема – не что иное как микрочастица всё той же Вселенной. Экспансивная частица, принуждающая Вселенную мутировать, адаптируя к себе законы физики…»

Тряхнув головой, Антон с усмешкой прервал полёт околонаучных своих фантазий, глянул на часы и спешно убрал учебники в стол. Пора было двигать к родителям – знакомиться с последней кандидаткой. В том, что она последняя, Антон поклялся себе страшной клятвой.

Погода по-прежнему стояла отменная. Антон вышел из дома, закатав рукава сорочки, с неизменной сумкой на плече. Жмурясь от солнца, он всмотрелся в компанию ворон, расположившихся на перекладине детских качелей. Подруги его, Клеопатры, птицы с белым пятнышком на клюве, среди них не было.

– Кар-р! – обратился Антон к воронам. – Где она, отвечайте!

Вороны будто переглянулись. Одна из них, раздражённо каркнув, повернулась к Антону хвостом.

– Ты мне тоже не нравишься! – парировал Антон и зашагал прочь.

Дверь ему открыла мать. Она, как и давеча, была принаряжена, выглядела превосходно и, конечно же, об этом знала.

– Йогой занималась? – строго спросил Антон.

– А то! – Мать выдала ему тапочки. – В полулотос почти сажусь.

– Почти! – упрекнул Антон. – Давно уже в «лотос» пора. А папа?

– Тоже занимался. Тем, что давал мне советы.

Из комнаты донеслось:

– Наглый поклёп! Я достаю уже лбом до колен, а поза «змеи» для меня – просто семечки.

– Ох, проверю! – Антон переобулся. – В четверг вы профилонили… Вашей крали, кстати, опять нет?

– Придёт, не расслабляйся, усмехнулась мать. – Мог бы и галстук надеть.

Антон прыснул.

– Галя, ты в уме?

– Трудно тебе? – слегка смутилась мать. – Несолидно как-то смотришься.

Антон развёл руками, чмокнул её в щёку, и они пошли в комнату.

Стол, конечно же, был накрыт. Правда, уже не ломился, однако избыточность снеди ощущалась. Антон лишь вздохнул, без комментариев. Отец, расположась на диване, пролистывал какой-то журнал для компьютерщиков.

– На кларнете играть запретила, – пожаловался он. – Уйду в монастырь.

– Ой, прекрати… – завелась было мать, но в дверь позвонили. – А вот и Ксюша! – Она метнулась из комнаты.

Антон удержал её.

– Сиди, сам открою. – И, не торопясь, направился в прихожую.

Оксана и вправду оказалась девушкой привлекательной. Стройная, насколько позволял судить стильный брючный костюм. Ухоженная кожа, осветлённые волосы, и в глазах такое выражение, будто их обладательница готова провалиться сквозь землю.

Антон улыбнулся.

– Заходите, Оксана. Я Антон.

Девушка храбро переступила порог.

– Как вы узнали, что я Оксана?

Антон прикрыл за ней дверь.

– Погадал на кофейной гуще.

– Ой! – округлила она глаза. – Вы умеете гадать на кофейной гуще?

Антон бросил на гостью пристальный взгляд: ехидничает?

– Это мой конёк, – подтвердил Антон. – Ещё я предсказываю судьбу по банановой кожуре.

– О таком не слышала, – смутилась Оксана. – Научите?

Тема эта, похоже, вела в тупик. Появление матери, к счастью, дало диалогу иное направление. Цепким взором оценив «кандидатку», Галина Павловна чуть заметно кивнула себе самой. Кивок этот, очевидно, означал, что фотография соответствует оригиналу.

– Здравствуйте, Ксюша, – улыбнулась родительница. – Обувь не снимайте.

Оксана пошаркала туфлями о половичок.

– Ой, Галина Павловна! Вы моложе, чем я думала. Мы с вашей мамой по телефону общались, – поведала она Антону.

Антон счёл за благо промолчать.

Мать, однако, улыбнулась шире.

– Поддерживаю форму. Этот тип, – она потрепала Антона за ухо, – заставляет заниматься йогой и голодом морит.

Оксана покосилась на Антона одобрительно.

– Хорошо, наверное, иметь сына-врача.

Антон едва не застонал. «В последний раз!» – повторил он мысленно, а вслух предложил:

– Не пройти ли нам в комнату?

Они так и сделали. Отец, поднявшись с дивана, галантно представился. Оксана перевела взгляд с него на Антона.

– Вы похожи, – объявила она.

– Кто бы мог подумать! – фыркнул Антон, за что получил от матери тычок по рёбрам.

Украдкой подмигнув ему, отец процитировал:

– «Себя, как в зеркале, я вижу, но это зеркало мне льстит.»

– Не совсем как в зеркале, – возразила Оксана. – Различия всё же заметны.

Антон взглянул на неё более пристально, с некоторым даже подозрением, однако намёка на шпильку не уловил. Мать без труда распознавшая настроение сына, вновь наградила его тычком в бок. Притом тычок получился неуверенным.

Лишь отца мизансцена эта явно забавляла.

– Пожалуй, вы правы, – сказал он девушке, – в чём-то мы различаемся. Как-то я упустил это из виду.

Гостья, судя по всему, готова была развить эту тему, но мать спешно вмешалась:

– Прошу за стол, Ксюша. Мужики мои проголодались.

Оксана, окинув взором закуски, позволила себе улыбнуться.

– Похоже, Галина Павловна, ваш сын не очень-то морит вас голодом.

Реплику эту можно было счесть удачной, и мать воспрянула духом.

Они сели за стол, и хозяева наперебой принялись потчевать гостью – наливать ей вино, подкладывать того-сего в тарелку. Оксана заметно расслабилась и ухаживания принимала без церемоний. Когда Алексей Захарович предложил тост за знакомство, она чокнулась с хозяевами, хлебнула из бокала и, закусив солёным грибом, полюбопытствовала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.